

ИСТОРИЯ ГУССИТОВЪ.

(ДО УТВЕРЖДЕНІЯ БАЗЕЛЬСКИХЪ КОНФАТЕТАТОВЪ).

Между многими религіозными движеніями, волновавшими міръ, безъ сомнѣнія, важнѣйшее мѣсто занимаетъ чешское гусситское движеніе. Оно представило самую сильную оппозицію противъ католичества, такая только обнаруживалась въ средніе вѣка. Когда по смерти Гуса это движеніе проявилось въ кровавыхъ и опустошительныхъ войнахъ, то никакія мѣры католиковъ не могли подавить его. Напрасно папа предавалъ еретиковъ анаѣмѣ, давалъ отпущенія всевозможныхъ грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые выражали свою готовность принять участіе въ истребленіи еретиковъ. Гусситы мужественно и успѣшно ратовали за свое дѣло. Со всѣхъ сторонъ по призыву папы стекались крестоносныя полчища противъ гусситовъ, но онѣ одно за другимъ были разбиваемы и уничтожаемы. Много было припесено гусситами жертвъ, много пролито крови для сверженія независимаго католическаго и нѣмецкаго ига, но они вышли изъ неравной борьбы побѣдителями. Подавленная латино-германскимъ игомъ вѣра и народность снова были восстановлены въ Чехіи. Однако торжество гусситовъ было временное. Послѣ того, какъ угасъ религіозный энтузіазмъ, воодушевлявшій ихъ на борьбу съ католиками, измѣнились самыя обстоятельства враждующихъ сторонъ, у гусситовъ стали отнимать и права на религіозную и политическую свободу.

Наступила страшная реакція, и гусситы или снова соединились съ тою церковію, противъ которой вели такую долгодѣтную кровавую и ожесточенную войну, или присоединились къ новому реформатскому движенію, (которое хотя и мало имѣло общаго съ гусситствомъ, но привлекало послѣднее особенно оппозиціоннымъ отношеніемъ къ католичеству).

Такъ мало по малу гусситство совершенно утратило свою самостоятельность, и теперь встрѣчаются не маловажныя трудности при опредѣленіи причинъ возникновенія великаго чешскаго религіознаго движенія. Обыкновенно западные историки смотрять на гусситство какъ на явленіе однородное съ западнымъ протестантизмомъ, и возникновеніе его объясняютъ болѣе или менѣе случайными и вѣшними причинами—злоупотребленіями католической церкви и вліяніемъ реформаторскихъ идей Виклефа и проч. Такою взгляда на гусситство нельзя назвать совершенно несправедливымъ; нельзя не согласиться съ тѣмъ, что гусситство имѣетъ нѣкоторое сродство съ протестантизмомъ, и что на возникновеніе и развитіе его оказали большое вліяніе такія обстоятельства, какъ злоупотребленія латинской іерархіи и идеи Виклефа. Однако при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи симптомовъ и направленія гусситскаго движенія, нельзя не убѣдиться, что такой взглядъ западныхъ историковъ страдаетъ нѣкоторою односторонностію и невѣрностію. Руководясь этимъ взглядомъ мы не поймемъ, почему злоупотребленія латинской іерархіи и реформаторскія идеи Виклефа только въ Чехіи могли возбудить сильную народную оппозицію, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ оппозиція эта очень долго выражалась въ болѣе личныхъ и частныхъ протестахъ и не сопровождалась особенно важными послѣдствіями; почему гусситское реформаторское движеніе ограничивалось только тѣсными предѣлами Чешской націи, а въ средѣ западныхъ народовъ болѣе развитыхъ и, по видимому, болѣе расположенныхъ къ церковной реформѣ, гусситство не только не встрѣтило сочувствія,

но даже крайне враждебное отношеніе... Все это только въ такомъ случаѣ уяснится для насъ, если мы допустимъ существованіе въ Чехіи особенныхъ, мѣстныхъ условій столь благопріятно содѣйствовавшихъ такому сильному возбужденію религіознаго движенія.

Несомнѣнно, что гусситство имѣло очень много сходнаго съ западнымъ протестантизмомъ, однако, при сравненіи ихъ между собою, мы открываемъ въ первомъ очень много самобытныхъ сторонъ, которыя не позволяютъ считать его явленіемъ тождественнымъ или однороднымъ съ послѣднимъ. Западный протестантизмъ распространялся въ самыхъ различныхъ странахъ, какъ Англія, Франція и Польша и находилъ себѣ приверженцевъ особенно въ высшихъ классахъ. Гусситское движеніе ограничивалось тѣсными предѣлами Чешской націи и даже здѣсь не во всѣхъ классахъ оно находило себѣ одинаковое сочувствіе: аристократія относилась къ нему равнодушно, чѣмъ массы простаго народа. Что касается другихъ націй, то оно (за незначительнымъ исключеніемъ славянъ) никакъ не могло найти себѣ послѣдователей, и западные народы отнеслись къ нему съ самою ожесточенною враждою. Протестантизмъ, распространяясь вездѣ, нигдѣ не производилъ непосредственно сильныхъ политическихъ и общественныхъ переворотовъ, ограничивался болѣе религіозною сферою. Гусситство, напротивъ, при своемъ быстромъ распространеніи въ тѣсныхъ предѣлахъ Чехіи, внезапно получило революціонный характеръ, обняло всѣ сферы національной жизни: ниспровергло существовавшее тогда политическое устройство, реформировало общественный бытъ и преобразовало церковь. Такое различіе въ дѣйствіяхъ гусситства и протестантизма не убѣждаетъ ли насъ, что какъ причины, такъ и характеръ той и другой церковной реформы были существенно отличны? Западный протестантизмъ былъ болѣе личною реакціе передовыхъ мыслителей противъ авторитета католической церкви, а потому и распространялся

вездѣ, гдѣ только идеи реформаторовъ могли быть болѣе или менѣе доступны—особенно въ высшихъ болѣе образованныхъ классахъ. Такъ какъ цѣли реформаторовъ были не столько политическія, сколько религіозныя, то западный протестантизмъ и не переходилъ за предѣлы религіозной реформы. Гусситское движеніе обусловливалось національными причинами и имѣло характеръ народный. Передовые вожди этого движенія были не столько возбудителями, сколько выразителями народной давней оппозиціи противъ католичества. По этому гусситское движеніе, какъ народное выраженіе собственно чешской жизни и остановилось въ предѣлахъ чешской національности. Другіе народы запада также готовые къ возстанію противъ папства на началахъ, провозглашенныхъ Гусомъ, отнеслись къ гусситскому движенію со страхомъ и ненавистію, какъ къ движенію, вышедшему изъ чуждой ванаду несочувственной среды. Первые либералы запада, собравшіеся на Констанцкій соборъ съ цѣлю реформировать церковь «во главѣ и членахъ» произнесли смертный приговоръ на славянского проповѣдника, осмѣливавшагося возвысить свой голосъ противъ папства. И въ послѣдующіе вѣка имя Гуса повторялось съ проклятіями и страхомъ западными богословами, сочувствовавшими и не сочувствовавшими папству, не только католическими, но и протестантскими. Между тѣмъ какъ для Чеховъ имя Гуса сдѣлалось символомъ религіозной и національной самостоятельности. Его несправедливая казнь подала сигналъ къ народному возстанію, и возстаніе это съ самаго начала получило самый страстный не религіозный только, но обще-національный характеръ. Возставая противъ римской церкви, гусситы возставали въ то же время противъ подавлявшей ихъ нѣмецкой народности. Стремясь къ религіозной самостоятельности, гусситы въ то же время ставали мыслію—весь общественный строй перестроить на другихъ началахъ, противоположныхъ тѣмъ, которыя перешли въ Чехію отъ общественнаго устройства западно-европейскаго міра.

Но этому государи и народы западной Европы и сочувствовавшіе и не сочувствовавшіе папству соединились въ страхѣ и ненависти предъ гусситскимъ движеніемъ и образовали противъ него общій крестовый походъ; и съ той и съ другой стороны борьба приняла самый страшный, ожесточенный характеръ.

Въ религіозной собственнѣ сферѣ гусситство выражало не только протестъ противъ папства, но и стремленіе возвратиться къ древнему православію. Ни въ одной изъ западныхъ протестантскихъ сектъ стремленіе къ возстановленію первобытной православной церкви не сказалось такъ сильно, какъ въ ученіи Гуса, его непосредственныхъ послѣдователей—чашниковъ и чешскихъ братьевъ. Возстановленіе первобытнаго чистаго христіанства представлялось гусситамъ не въ смыслѣ какого нибудь отвлеченнаго идеала, подобно тому, какъ оно представлялось западнымъ реформаторамъ, но въ смыслѣ издавна родной старой вѣры.

Обращаясь къ исторіи Чехіи, предшествовавшей появленію гусситства, мы видимъ, что преданія о старой, родной православной вѣрѣ, насажденной въ Чехіи св. Мессодіемъ, часто болѣе или менѣе въ народѣ затемнялись, однако никогда совершенно не уничтожались. Передаваясь преемственно, эти преданія сохранились даже до временъ Гуса, когда они въ связи съ славянскою оппозиціею германизму, при современныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, возбудили сильную народную реакцію противъ католицизма.

Хотя латинская пропаганда очень рано стала проникать въ Чехію, однако двадцатилѣтній промежутокъ, протекшій со времени проповѣди св. Мессодія, былъ достаточенъ для того, чтобы смена православія, насажденнаго имъ, принесли свой плодъ. Слово евангельское возвѣщено было язычникамъ—чехамъ на родномъ языкѣ. Это одно способствовало большому усвоенію православія, чѣмъ латинской вѣры. Особенность религіознаго развитія славянскаго племени—оставаться вѣрными слову евангельскому

въ томъ видѣ, въ какомъ оно первоначально возвѣщено имъ на родномъ языкѣ. Хотя правительство, дворянство и высшее духовенство, подвергаясь вліянію нѣмецкой цивилизаціи, уже съ половины X столѣтія стали по свидѣтельству Странскаго оставлять «вѣру отцевъ», однако массы народа дорожили старыми преданіями и оставались при греко-восточной вѣрѣ ¹⁾. Сочувствіе народа къ греко-восточной вѣрѣ выражалось преимущественно въ евхаристіи подъ обоими видами, въ бракѣ духовныхъ, въ сохраненіи греко-восточной іерархіи и проповѣди на языкѣ народномъ. Еще въ концѣ X вѣка православіе, какъ начало народное, было столь сильно, что одержало побѣду въ борьбѣ съ католичествомъ. Войтѣхъ пражскій епископъ, старавшійся насильно ввести латинскіе обряды на мѣсто православныхъ, встрѣтилъ большое сопротивленіе въ народѣ и принужденъ былъ не разъ оставлять свой епископскій престолъ. Ненависть къ этому католическому миссіонеру была столь сильна въ народѣ, что онъ убилъ даже четырехъ его братьевъ, совершавшихъ латинское богослуженіе. Къ этому именно времени сочинители исторіи тяжкихъ страданій чешской церкви относятъ начало борьбы чеховъ съ римскимъ духовенствомъ и вслѣдъ за рассказомъ о мученичествѣ Войтѣха прибавляютъ: «освободившись такимъ образомъ отъ суевѣрій языческихъ, Чешская земля начинаетъ воевать съ суевѣріями римскими, ибо Чехи пріяли свою вѣру отъ Моравлянъ, а Моравляне отъ Грековъ. Около того же времени римскіе епископы начали гордо господствовать надъ другими церквами, желая привести всѣхъ къ принятію римскихъ обрядовъ и церемоній, тогда уже исполъ языческихъ. И чеховъ принуждали къ такимъ же вещамъ, какими не мало была огорчена благочестивая мысль многихъ мужей, особливо же къ употребленію латинскаго языка въ богослуженіи и безбрачію священниковъ, а вскорѣ затѣмъ и къ при-

¹⁾ Stvansky Reipublicae Bojemaе cap. IV, p. 271.

нятію Вечери Господней подѣ однимъ видомъ. Мы повѣдаемъ извѣстія, которыя находимъ о томъ въ исторіи, ибо это было начало воспламененія Чеховъ, это были первыя искры, изъ которыхъ потомъ во времена Гусовы и послѣдующія возгорѣлся великій огонь» ¹⁾.

Исторія православія Чехіи XI столѣтія тѣсно связана съ исторією Сазавскаго монастыря, который служилъ главнымъ центромъ славянскаго богослуженія до тѣхъ поръ, пока сильное вмѣшательство папы Григорія VII въ церковныя дѣла Чехіи и убійственное для народнаго начала княженіе Брячислава II не уничтожили навсегда это тихое убѣжище славянскаго богослуженія и православія. Чешское правительство въ продолженіе XI вѣка колебалось между православіемъ и латинствомъ, находясь подѣ влияніемъ латинской іерархіи и увлекаясь общими интересами западно-европейской политики, князья чешскіе склонялись къ латинству, но съ другой стороны чувство народной самостоятельности, память о древнихъ преданіяхъ народа чешскаго, въ иныхъ случаяхъ, вѣроятно, и прямыя выраженія сочувствій народныхъ—побуждали нѣкоторыхъ князей покровительствовать остаткамъ древней православной вѣры. Это сказывалось въ отношеніи Чешскихъ князей къ Еммаускому монастырю. Такъ, князья Ольдрыхъ и Брячиславъ I покровительствовали православно-славянскому богослуженію въ Еммаускомъ монастырѣ. Но ихъ преемникъ Спитигнѣвъ II былъ ревностнымъ защитникомъ католицизма; онъ приказалъ выгнать изъ Еммаускаго монастыря учениковъ св. Прокопія и ввести въ немъ латинскую службу. Вратиславъ II не только приказалъ возстановить славянское богослуженіе въ Еммаускомъ монастырѣ, но и просилъ у папы Григорія VII позволенія возстановить его во всѣхъ Чешскихъ церквахъ, хотя получилъ, какъ и слѣдовало ожидать отказъ.

¹⁾ Елагинъ. Чтенія общества исторіи и древностей Росс. 1848 г. 7, стр. 26.

Послѣ погрома Сазавскаго монастыря въ чешскихъ церквахъ смолкають звуки славянскихъ молитвъ и пѣснопѣній, и на мѣсто древнихъ православныхъ обрядовъ стали распространяться латинскія нововведенія. Однако онѣ припимались въ Чехіи туго, медленно и не рѣдко съ значительнымъ сопротивленіемъ. Такъ обычай безбрачія духовенства былъ введенъ въ Чехію уже болѣе, чѣмъ чрезъ сто лѣтъ послѣ распространенія его по всей западной церкви, и кардиналъ Петръ, присланный отъ папы Целестина III для введенія этого обычая въ Чехію въ 1177 г., едва не былъ побитъ камнями ¹⁾. Еще болѣе несочувствія въ чешскомъ народѣ возбудило другое нововведеніе, распространившееся въ западной церкви съ XIII в. — причащать мірянъ только тѣломъ Христовымъ, не дозволяя имъ вкушать отъ евхаристической чаши. Это нововведеніе, бывшее однимъ изъ главныхъ поводовъ гусситскаго возстанія, встрѣтило себѣ противодѣйствіе въ Чехіи болѣе, чѣмъ во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у чеховъ пречашеніе подъ обоими видами сохранилось, почитаютъ, до временъ Гуса. Въ этомъ отношеніи особенную важность получаетъ для насъ свидѣтельство Страпскаго, который указываетъ преемственныхъ хранителей греко-восточныхъ обрядовъ и называетъ даже ихъ по имени ²⁾.

Несочувствіе массы народа къ католицизму особенно выразилось въ томъ, что Чехія XIII в. сдѣлалась главнымъ убѣжищемъ ересей, гонимыхъ западною церковію. Катары, Вальденсы, Долларды, Адамиты и другіе сектанты, преслѣдуемые въ другихъ странахъ, находили себѣ въ Чехіи радужный пріютъ. Сектанты эти, конечно, не могли бы избрать Чехію постояннымъ мѣсто-пребываніемъ, если бы въ ней умоляли протесты противъ католичества, если бы въ ней не было элементовъ, враждебныхъ ла-

¹⁾ Правосл. Обзор. 1869 г. Май стр. 672.

²⁾ Reipublicae Boemae car. XVIII, p. 304.

тинской церкви. Что главнѣйшимъ изъ такихъ элементовъ было именно православіе, можно заключать изъ распространенія въ Чехіи Вальденцевъ и Катаровъ; въ ученіи этихъ двухъ сектъ очень много сходнаго съ ученіемъ грековосточнымъ, и Вальденсы нашли въ православномъ ученіи чеховъ какъ бы отзвукъ своихъ собственныхъ вѣрованій.

Религіозная оппозиція чеховъ католичеству была неразлучно соединена съ народною славянскою оппозиціею германизму въ общественной и политической жизни. Въ этомъ періодѣ германизмъ особенно сталъ овладѣвать общественною жизнью и правительствомъ Чехіи; чешскіе короли находились въ вассальныхъ отношеніяхъ къ германскимъ императорамъ. Чешской народности угрожала серьезная опасность опѣмеченія. Высшій классъ уже преобразовался въ шляхетскій, съ презрѣніемъ относился къ своему родному языку, отечественнымъ обычаямъ и ревностно соревновалъ съ французскими рыцарями въ области законовъ и обычаевъ средневѣковаго благородства. Города учреждались на особомъ положеніи пѣмецкаго права, населялись бюргерами и пѣмецкими колонистами. Изъ монастырей вытѣснялись монахи собственно чешскаго происхожденія и замѣнялись пѣмецкими монахами съ тою цѣлю, чтобы они успѣшнѣе пропагандировали латино-германскія идеи. При такомъ усиленіи германизма въ Чехіи стала открыто обнаруживаться народная славянская оппозиція. Но странно, хотя и естественному ходу вещей, оппозиція эта проявилась сначала не изъ среды простаго народа, а изъ среды дворянства—того класса, который болѣе всѣхъ стремился прежде къ опѣмеченію. Дѣло въ томъ, что аристократія прежде другихъ сословій стала сознавать невыгоды преобладанія пѣмецкихъ элементовъ надъ народными. На сеймѣ въ 1294 г. аристократическая національная партія обнаружила энергичное сопротивленіе осуществленію проектовъ короля Вячеслава II, касательно устройства въ Прагѣ университета и изданія особен-

наго законодательнаго кодекса ¹⁾. Понятно, какими мотивами обуславливалось это выраженіе аристократической оппозиціи. Проекты Вячеслава II были направлены прямо къ подавленію національностей. Новый кодекс предполагалось составить на началахъ римской юриспруденціи. Университетъ предполагалось устроить по подобію парижскаго съ раздѣленіемъ его на четыре націи и съ преобладаніемъ богословскаго факультета надъ остальными. При такомъ устройствѣ новое учрежденіе необходимо должно было попасть въ руки иностранцевъ и католическаго духовенства.

Въ началѣ XIV в. духъ славянской народной оппозиціи достигъ такой силы, что сталъ выражаться даже въ письменныхъ произведеніяхъ чешской литературы. Изъ такихъ произведеній особенно Дитмара хроника написана въ крайнемъ національномъ патріотическомъ духѣ. Дитмаръ почти на каждой страницѣ своего произведенія старается выразить свою ненависть къ пѣмцамъ, безконечную любовь и преданность чешскому народу ²⁾.

Въ царствованіе Карла IV національная оппозиція въ Чехіи дѣлается уже вполне народною и сознательною. Такому проявленію оппозиціи много содѣйствовали разныя правительственныя мѣры Карла IV, направленные къ подавленію народной стихіи. Главнѣйшими изъ такихъ мѣръ были: утвержденіе постоянной императорской резиденціи въ Прагѣ, изданіе новаго законодательства, составленнаго на римскихъ началахъ (*Majestas Carolina*) и основаніе пражскаго университета. Какъ сильно эти мѣры способствовали подавленію чешской національности, это, кажется, не требуетъ особенныхъ объясненій. Новое положеніе Праги, какъ центра западной Европы, чрезвычайно усилило въ ней притокъ иностранцевъ и особенно пѣмцевъ, которыми и безъ того тяготились чехи. Новые законы, основанные на римскихъ началахъ

¹⁾ Palazky. Geschichte von Boehmen t. II.

²⁾ Helttert. Hus und Hieronimus c, 48.

убивали самобытность народного духа. Университетъ, основанный въ Прагѣ, мало того, что привлекалъ въ Чехію большое число иностранцевъ, еще давалъ имъ слишкомъ большія привилегіи въ ущербъ чешской національности. Чешская нація пользовалась только однимъ голосомъ противъ трехъ иностранныхъ націй, составлявшихъ далеко большую часть числа въ университетской корпораціи. Вскорѣ чехи начали замѣчать, что университетъ ихъ вовсе не принадлежитъ имъ, что вся сила и вліяніе въ немъ на сторонѣ нѣмцевъ, что ректоръ и деканы постоянно выбираются изъ нихъ, что ими заняты все лучшія мѣста въ коллегіяхъ и при монастыряхъ, и что раздача почти половины духовныхъ должностей въ королевствѣ находится въ ихъ же рукахъ. Уже одна эта матеріальная потеря не могла не озлобить націй; что же сказать о нравственномъ вліяніи и духѣ университета? Понятно, что духъ этотъ былъ чисто нѣмецкій и притомъ іерархическій, что вліяніе университета выражалось главнымъ образомъ въ усиленіи и распространеніи нѣмецкой жизни, языка и правовъ. Передовые люди въ Чехіи, а вслѣдъ за ними и весь народъ скоро поняли, къ чему поведетъ все это въ окончательномъ результатѣ и твердо рѣшились лучше лишиться университета, нежели потерять свою народность.

Такимъ образомъ мѣры Карла IV, направленные къ подавленію чешской національности, должны были возбудить сильную, народную, славянскую оппозицію, которая рано или поздно должна была перейти въ открытое возстаніе. Къ такимъ же послѣдствіямъ должна была привести его политика и въ религіозной сферѣ. Какъ императоръ священной римской имперіи, Карлъ очень ревностно заботился объ интересахъ католической церкви. Онъ рѣшился также въ Чехіи водворить католицизмъ во всей силѣ. Онъ вызвалъ въ новоучрежденный пражскій университетъ иностранныхъ католическихъ докторовъ, которые вскорѣ возстали противъ греческой ереси и по свидѣтельству Коменскаго «стали настаи-

вать на введеніи въ Чехіи нечестиваго обряда причащенія подѣ однимъ видомъ». Въ своемъ новомъ уложеніи «*Majestas Carolina*» Карлъ провозгласилъ католическую религію господствующею и постановилъ предавать суду инквизиціи всѣхъ еретиковъ и отступниковъ. Однако, не смотря на эти насильственные мѣры православная стихія не только не была подавлена, но приняла еще большіе размѣры, достигла сознанія своей силы. Въ спорахъ съ католическимъ епископомъ одинъ изъ вельможъ заявилъ отъ лица прочихъ, что они скорѣе готовы снова возвратиться къ язычеству, чѣмъ согласиться на его требованія. Народъ, духовенство и большая часть дворянства уже обратились къ старой вѣрѣ отцевъ. Религіозная оппозиція получила наконецъ такую силу, что побудила Карла согласиться на уступки. Онъ созналъ необходимость обратиться въ Римъ къ папѣ Клименту VI съ просьбою о дозволеніи водворить въ Чехіи славянское богослуженіе для невѣрныхъ и схизматиковъ, такъ какъ оно съ разрѣшенія Рима продолжалось въ Хорватіи. Папа согласился на это, хотя съ условіемъ, чтобы славянское богослуженіе совершалось не повсемѣстно, какъ просилъ Карлъ, а въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ ¹⁾).

Конечно, какъ папа, такъ и Карлъ IV при основаніи славянскаго монастыря думали только формально удовлетворить народнымъ потребностямъ. На самомъ дѣлѣ это была хитрая мѣра, направленная къ тому, чтобы скорѣе упрочить господство католицизма въ Чехіи ²⁾). Однако цѣль эта не могла быть достигнута,

¹⁾ Pelzel, Urkunden Buch zum ersten theil des Barls des Vierten s. 90.

²⁾ Изъ буллы Климента VI, писанной 9 мая 1346 г. къ пражскому епископу видно, что для схизматиковъ и невѣрныхъ, не хотящихъ или не могущихъ понимать свящ. Писаніе на латинскомъ языкѣ.... дозволялось проповѣдывать и совершать богослуженіе по ихъ обряду съ тѣмъ, чтобы они удобнѣе могли быть обращены въ христіанскую (т. е. римско-католическую) вѣру.

потому что, какъ мы сказали, православіе приняло большіе размѣры и стало приходить въ сознаніе своей силы. Притомъ настоящая мѣра Карла IV парализовалась другою—провозглашеніемъ католичества господствующею религіею. Такимъ образомъ король, самъ не замѣчая того, возвращалъ въ своей странѣ національную и религіозную оппозицію и подготовилъ хорошій матеріалъ для будущаго пожара.

Между тѣмъ современное положеніе католичества какъ нельзя болѣе благопріятствовало возбужденію религіознаго движенія. На западѣ уже стали раздаваться протесты противъ безнравственности и злоупотребленій какъ самаго папы, такъ и всего вообще католическаго духовенства. Безнравственность эта и злоупотребленія и прежде существовали, но въ своемъ отвратительномъ безобразіи онѣ стали проявляться особенно въ XIV в. Теперь преимущественно стали обнаруживаться въ латинскомъ духовенствѣ продажность и симонія. «Іуда продалъ Христа за 30 сребренниковъ», говоритъ одинъ современникъ, «только одинъ разъ, а теперь представители церкви продаютъ Его по сту разъ на день и не за 30, а за 100 и 1000 сребренниковъ» ¹⁾.

Высшихъ духовныхъ называли тогда *popi Praelati, sed Pilati* и говорили, что они ловятъ въ свои сѣти не души, а кошельки; низшее же духовенство открыто извиняло себя примѣромъ высшихъ. Самъ папа изыскивалъ всевозможныя средства, чтобы увеличить финансы апостольскаго престола: раздавалъ за деньги бенефиціи, извлекалъ доходы изъ тяжёбныхъ процессовъ, продавалъ подъ всевозможными предлогами индульгенціи и пр. Деньги, добытыя такими незаконными путями, растрчивались папскимъ дворомъ на неимовѣрно пышную и развратную жизнь. Какого рода была эта жизнь, можно судить по второй новеллѣ перваго дня *Decamerone* Бакаччіо. Епископы и прелаты не уступали папѣ

¹⁾ Helttert. Hus und Hieronimus s. 15.

въ жадности къ деньгамъ, въ роскоши и развратѣ. Многочисленныя свидѣтельства подтверждаютъ этотъ фактъ. Ученный доминиканецъ Викентій Ферреръ упрекаетъ большую часть епископовъ своего времени въ пустомъ высокомеріи, роскоши и нравственномъ ничтожествѣ; называетъ ихъ развратниками и ростовщиками, говоритъ, что они обратили все вниманіе къ предметамъ земнымъ и измѣряютъ достоинство своего церковнаго сана величиною доходовъ; мало заботятся они о своихъ церквахъ, мало ходятъ къ тѣмъ, кто даетъ мало, не имѣютъ ни любви къ Богу, ни стада, не чтутъ ни миссы, ни проповѣди и подають великій соблазнъ всѣмъ. «Теперешніе наши епископы, жалуются Оснабрюкскій епископъ Теодоръ Вріе, ведутъ себя какъ большіе господа: ѣдятъ и пьютъ не трудясь, считаютъ роскошь и гордость набожностію, заботятся о наполненіи своихъ житницъ и бочегъ, строятъ себѣ великолѣпные дворцы» ¹⁾. На епископскія и духовныя мѣста смотрѣли какъ на источникъ хорошихъ доходовъ и какъ на средство пріобрѣтать вліяніе на государственныя дѣла. Путь къ нимъ открывали не набожность, не богословская ученость и нравственная жизнь, а знатное происхожденіе и деньги. Высшее духовенство совершенно не заботилось о надзорѣ за низшимъ и само проводило время въ разныхъ мірскихъ удовольствіяхъ—въ веселыхъ пирушкахъ, въ соколиныхъ охотахъ, въ любовныхъ интригахъ, въ игрѣ въ кости, въ рыцарскихъ турнирахъ, въ спорахъ съ сосѣдними владѣльцами и проч. Въ монастыряхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ господствовалъ духъ алчности и разврата. Строгія правила и постановленія орденовъ не соблюдались; лишь не многіе старались прикрыть, хотя для виду, несоотвѣтствіе своего образа жизни съ данными обѣтами, большинство же какъ бы щеголяло своимъ буйствомъ и распущенностію. Вообще вся римская церковь повсемѣстно прониклась

¹⁾ Peltert. Hus und Hieronimus. s. 16.

самымъ свѣтскимъ, нехристіанскимъ духомъ. Напрасно нѣкоторые западные историки стараются доказать, что состояніе католичества въ Чехіи далеко было лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ на западѣ, что здѣсь представители церкви отличались по преимуществу строгимъ нравственнымъ характеромъ и не допускали злоупотребленій ¹⁾. Въ Чехіи, также, какъ и въ другихъ странахъ, роскошь и неразлучно соединенная съ нею безнравственность были общею язвою католическаго духовенства ²⁾. Пражскіе владыки давно уже промѣняли странническій посохъ Войтѣха на мечъ императорскихъ ленниковъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ раздача церковныхъ бенефицій сопряжена была съ страшными злоупотребленіями и отвратительною симоніею. Духовныя мѣста, даже самыя высшія, очень часто находились въ рукахъ людей безправственныхъ, лишенныхъ всякаго образованія ³⁾. Богатѣйшія капитулы и другія церковныя учрежденія служили убѣжищемъ для лѣнивыхъ и развратныхъ сыновей княжескихъ фамилій. По двѣ, по три и болѣе бенефиціи соединялось иногда въ рукахъ одного и того же лица, заботившагося лишь о сборѣ съ нихъ наибольшихъ доходовъ. Особенно страдала такими недостатками капитула Вышеградская. Тамошнихъ канониковъ можно было встрѣчать вездѣ, занятія и развлеченія ихъ были самыя разнообразныя, но въ церковь ихъ не могли загнать никакіе эдикты епископа. Въ самыя великіе праздники они забавлялись свѣтскими удовольствіями и увеселеніями.

Появленіе нищенствующихъ монаховъ, францисканцевъ, доминиканцевъ и августинцевъ, вызвало въ Чехіи наружу всю ис-

¹⁾ Это доказываетъ отчасти и Гельфертъ, но особенно профессоръ Гельлеръ въ своемъ извѣстномъ изданіи «Geschichte schreiber der Hussitischen Bewegung in Böhmen» (3. Bände 1856—1866) и въ своемъ сочиненіи «Magister Johannes Hus. Prog. 1864—68.

²⁾ Teohald. Hussiten krieg. 132—136.

³⁾ Die Geschichte der Hussitentums... Palazky. 1868. Prag.

порченность духовенства. Когда изъ за доходовъ начались ожесточенные споры между нищенствующими орденами съ одной стороны и свѣтскимъ духовенствомъ съ другой, то обѣ стороны на перерывъ клеймили и позорили другъ друга. Монахи упрекали священниковъ въ дурномъ исполненіи обязанностей, въ нерадивомъ пасеніи стада Христова, священники оплачивали монахамъ тѣмъ-же, уличая ихъ въ уклоненіи отъ правилъ ордена, заподозривали всѣми способами ихъ нравственность и образъ жизни. Вскорѣ монахи не стали повиноваться даже пражскому архіепископу и обвиняли его предъ папою между прочимъ въ томъ, что онъ допускаетъ образованіе женскихъ общинъ, называемыхъ *Magdalenitas*, общинъ по наружности религіозныхъ, но въ сущности направленныхъ къ безнравственности и разврату... Споры монаховъ и бѣлаго духовенства дошли однажды до кровопролитнаго столкновенія. Дѣло зашло изъ за доходовъ съ погребенія, которые священники хотѣли присвоить себѣ. Раздраженные монахи насильно ворвались въ собраніе священниковъ, поносили ихъ челоуѣкоубійцами, укоряли въ пьянствѣ, игрѣ, развратѣ и другихъ преступленіяхъ. Отъ словъ скоро дошло до драки. Жители Праги вооружились, одни изъ нихъ приставали къ монахамъ, другіе—къ священникамъ, и постыдное кровопролитіе было слѣдствіемъ мелочнаго спора духовенства ¹⁾.

Нечего и говорить, что духовенство подобными примѣрами самымъ губельнымъ образомъ дѣйствовало на нравственное состояніе своихъ пасомыхъ. Въ послѣднее время въ Чехіи, въ этой странѣ, которая нѣкогда, по отзыву современниковъ, была разсадникомъ челоуѣческой мудрости, образцомъ христіанской религіи ²⁾, подъ тлетворнымъ вліяніемъ развращеннаго католическаго духовенства сталъ замѣчаться всеобщій упадокъ духа благочестія

¹⁾ Palazky, Geschichte von Böhmen 3. III.

²⁾ Cochlæi. Historia Hussitorum. p. 264.

и христіанской нравственности. «Вѣра и любовь, по словамъ современнаго лѣтописца, исчезли, люди предались удовольствіямъ міра, перестали поклоняться Богу и святымъ». Грубый индиферентизмъ, роскошь, развратъ были всеобщими пороками всѣхъ классовъ народа. Проституція особенно сильна была въ Прагѣ, гдѣ цѣлая часть города занята была непотребными домами и называлась маленькою Венеціею (по-чешски Бенашки ¹⁾).

Жалкое состояніе католической церкви уже давно на западѣ возбуждало негодованіе благомыслящихъ людей, давно слышались жалобы на усиливающуюся безнравственность духовенства и высказывалось требованіе реформы. Но всеобщее негодованіе и тре-

¹⁾ Послѣ этого понятно, почему Гусъ и его предшественники всю свою дѣятельность главнымъ образомъ посвятили на преобразование нравственности чешскаго народа. Упадокъ нравственности и злоупотребленія духовенства были однимъ изъ главныхъ поводовъ гусситскаго возстанія, какъ на это косвенно указываетъ даже одинъ изъ жаркихъ противниковъ гусситства—Андрей Брода. Вотъ какими словами онъ заканчиваетъ свой трактатъ «de origine haeresis Hussitiorum»: «О Господи Іисусе Христе милосердый! Ты справедливо и милосердно насъ наказываешь, поелику мы не слѣдовали по пути Твоемъ. Совратились мы съ пути истиннаго и обратились къ жизни чувственной (ad bestialem vitam). Тотъ стремился къ суетнымъ удовольствіямъ, тотъ—къ пышности и роскоши, иной искалъ почестей, иной требовалъ уваженія и какъ можно больше пребездъ, иной собиралъ богатства, иной устраивалъ пышные дворцы, услаждался потѣшными арѣлищами, находилъ удовольствіе въ постоянныхъ пиршествахъ ... Что еще скажу? Всѣ мы вмѣстѣ совратились, сдѣлались непотребны, всѣ до одного—съ головы до ногъ. Вотъ въ духовномъ сословіи замѣчается отсутствіе всякой дисциплины, вотъ въ куріи римскаго первосвященника господствуетъ публичная симонія; вотъ у монаховъ—такъ сказать неасытная алчность. Что еще скажу въ заключеніе? У мірянъ не было ни одного порока, котораго бы прежде (и увы, въ большей силѣ) не совершали духовные, такъ что не остается ничего другаго сказать, какъ только то, что читается и поется въ церкви: все то, что Ты сдѣлалъ, Господи, по правотѣ сдѣлалъ, поелику мы жестоко согрѣшали предъ Тобою и не соблюдали заповѣдей Твоихъ». Höfler, Geschichtschreiber der Hussitischen Bewegung. В. II., 327—353.

бованіе улучшеній должны были обнаружиться несравненно сильнѣе съ возникновеніемъ такъ называемаго великаго раскола.

Этотъ расколъ, унизившій основной принципъ римской традиціи, раскрылъ всю испорченность католицизма. Высшіе представители католической церкви, считавшіе себя намѣстниками Христа, снисзошли до взаимныхъ проклятій, соблазнили паству своими раздорами и тѣмъ окончательно роняли въ ея глазахъ достоинство римскаго первосвященника. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого раскола было то, что на западѣ появилось много личностей даже изъ среды духовныхъ (Анбекъ, Герсонъ и др.), которые стали выражать настоятельную необходимость реформированія католической церкви «во главѣ и членахъ». Такимъ образомъ какъ въ Чехіи, такъ и на западѣ одновременно начала проявляться оппозиція противъ католицизма. Однако результаты той и другой оппозиціи были различны. Тогда какъ на западѣ въ теченіе XIV и XV вв. всѣ протесты ограничивались бумажными спорами и неудавшимися соборами: въ Чехіи возбужденная религіозная оппозиція повела къ рѣшительному отпаденію отъ католицизма, къ образованію первой національной церкви въ западной Европѣ, къ утверженію новыхъ началъ политической и религіозной жизни. Причина такихъ различныхъ послѣдствій той и другой оппозиціи главнымъ образомъ лежала въ различіи самыхъ источниковъ ихъ. Оппозиція на западѣ возникла главнымъ образомъ вслѣдствіе злоупотребленій римской куріи и католическаго духовенства. Въ Чехіи же оппозиція эта была послѣдствіемъ вѣковой антипатіи къ римской церкви какъ учрежденію чуждому, нѣмецкому, и результатомъ привязанности къ существовавшей въ сѣверѣ восточной церкви. По этому въ Чехіи съ большимъ сочувствіемъ отпосились вообще къ протестамъ противъ папства и католицизма, чѣмъ гдѣ либо на западѣ.

Такъ, рѣзкія, направленныя противъ католической іерархіи, проповѣди горячаго нѣмецкаго проповѣдника Вальдгаузера, выз-

*

ваннаго Карломъ IV изъ Австріи въ Прагу, между единоплеменниками далеко не имѣли того вліянія, какое имѣли между чехами (даже не смотря на то, что Вальдгаузеръ проповѣдывалъ на нѣмецкомъ языкѣ). Такъ, сочиненія англійскаго реформатора Виллефа, гдѣ папа назывался антихристомъ и въ существенныхъ пунктахъ подвергалась критикѣ цѣлая система вѣроученія, проникши въ Чехію, возбудили здѣсь болѣе движенія, чѣмъ въ самой Англіи.

Въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка изъ среды самыхъ чеховъ стали появляться обличители и возбудители народнаго духа. Первымъ изъ нихъ былъ *Миличъ* изъ Кромѣжира—секретарь и вице-канцлеръ чешскаго короля и императора Карла IV. Миличъ рано имѣлъ возможность познакомиться съ бѣдственнымъ положеніемъ народа и рѣшился посвятить свою жизнь на служеніе ему. Онъ оставилъ дворъ императора, отличавшійся утонченными развратомъ и грубымъ индифферентизмомъ, отказался отъ всѣхъ своихъ почестей и удалился въ одинъ маленькій городъ, занимаясь тамъ исправленіемъ требъ и проповѣдуя народу. Вскорѣ онъ перенесъ свою проповѣдническую дѣятельность на болѣе обширное поприще, въ Прагу. Не отличаясь особеннымъ даромъ краснорѣчія, Миличъ сначала не имѣлъ успѣха, но скорѣ внутренній смыслъ и содержаніе проповѣди взяли верхъ надъ непривлекательностію его произношенія, и число слушателей стало возрастать со дня на день. Мужчины и женщины оставляли свою прежнюю безнравственность, калялись ему въ своихъ грѣхахъ и начинали новую жизнь. Ростовщики и вообще люди, занимавшіеся непозволительными ремеслами, отказывались отъ своихъ занятій. Болѣе пламенные характеры наполнялись отвращеніемъ къ суетному и бросались въ строгое аскетическое направленіе. Особый кварталъ Праги, пріютъ разврата «Малая Венеція» по настоянію Милича преобразился въ малый Іерусалимъ¹⁾.

¹⁾ Die Vorläufer der Hussitentums in Böhmen. Leipzig. 1846 Dr. F. P. Jordan 1. s. 170,

Проповѣдь Милича часто была очень сурова: нападая на пороки духовныхъ и свѣтскихъ лицъ онъ не щадилъ никого и даже доказывалъ однажды въ глаза императору, что онъ антихристъ. Отправившись въ Римъ для оправданія въ обвиненіяхъ пражскихъ богослововъ, Миличъ прибилъ къ дверямъ храма св. Петра объявленіе о томъ, что антихристъ давно уже явился и сидитъ въ римской церкви. За это онъ былъ заключенъ папскимъ инквизиторомъ въ темницу, но вскорѣ былъ освобожденъ. По освобожденіи Миличъ снова продолжалъ свою проповѣдь въ духѣ враждебномъ католицизму и подвергся преслѣдованіямъ нищенствующихъ монаховъ, противъ которыхъ онъ направлялъ часто свои обличенія. Не надѣясь на успѣхъ въ Прагѣ, эти монахи обвинили Милича при Авиньонскомъ дворѣ. Папѣ донесли, что проповѣди Милича полны самыхъ еретическихъ и опасныхъ мнѣній, что онъ возвѣщаетъ народу пришествіе антихриста, совѣтуетъ мірянамъ частое принятіе св. таинъ, поносить все духовенство отъ папы до послѣдняго монаха, не обращаетъ вниманія на папскій интердиктъ, считаетъ грѣхомъ изученіе свободныхъ искусствъ, запрещаетъ женщинамъ даже самыя приличныя украшенія, раздражаетъ свѣтскую власть противъ духовной, ослабляетъ у духовенства право имѣть собственность ¹⁾). Папа Григорій XI вызвалъ Милича къ суду; предписавъ архіепископу Пражскому и епископамъ Вратиславскому, Оломуцкому, Краковскому и Лютомишльскому преградить путь къ дальнѣйшему распространенію ереси, и просилъ императора Карла IV принять мѣры къ истребленію лжеученія ²⁾). Въ 1374 г. Миличъ для

¹⁾ Palazky, Geschichte von Böhmen. III. 1. s. 171. Jordan, Die vorläufer der Hussitentums 1. s. 40. При этомъ случаѣ мы имѣемъ возможность узнать, какъ велико было число послѣдователей Милича, и какъ далеко простиралось вліяніе его ученія. Папѣ Григорію XI доносили, что уже вся Чехія, Моравія и Силезія заражены еретическими мнѣніями.

²⁾ Annales Raynaldi t. VII ad. aem. 1374. № 10 и II p. 526.

оправданія въ еретичествѣ отправился въ Авиньонъ, но умеръ тамъ, не дождавшись рѣшенія своего дѣла.

Значеніе Милича въ исторіи чешскаго религіознаго движенія велико. Онъ первый своими проповѣдями и еще болѣе своею духовно-нравственною дѣятельностію пробудилъ въ массахъ чешскаго народа внутренній религіозный интересъ и началъ успѣшную реакцію противъ внѣшне-чувственного почти языческаго культа извратившагося католицизма. Въ лицѣ Милича православіе сдѣлало огромный шагъ и стало твердою ногою на католической почвѣ доселѣ нетронутой Праги.

Ученикъ Милича Матвей изъ Янова продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность въ духѣ учителя. Матвей изъ Янова не былъ, какъ Миличъ практикъ и потому не подготовлялъ въ собственномъ смыслѣ религіознаго движенія въ Чехіи; но его сочиненія имѣли большое вліяніе на Гуса и современниковъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Матвей изъ Янова обращаетъ особенное вниманіе на жалкое современное положеніе католической церкви и старается уяснить причины такого положенія. По его мнѣнію причинами упадка современной католической церкви и деморализаціи ея были: 1) исчезновеніе единства изъ церковнаго организма, свѣтское, противо-религіозное направленіе его отдѣленныхъ членовъ; 2) уклоненіе отъ единого божескаго закона и проникновеніе въ него безчисленныхъ человѣческихъ вымысловъ и постановленій. Упадокъ церкви начался какъ только разрушено было единство и согласіе членовъ церковнаго организма. Папа сталъ по произволу раздавать духовныя должности, требовать себѣ поклоненія отъ всѣхъ частей, помимо ихъ непосредственныхъ владыкъ и высокоомѣрно поднялся надъ прочими епископами. Епископы съ своей стороны отказались отъ необходимаго соединенія съ низшимъ духовенствомъ, вступили въ связи съ богатыми баронами и князьями и, занявшись свѣтскими дѣлами, оставили безъ вниманія своихъ сыновей-священниковъ. Послѣд-

ніе также, пренебрегши своими обязанностями, погрузились въ мірскія дѣла и отдѣлились отъ общества мірянъ пустымъ тщеславіемъ, алчностью и преданностію чувственнымъ наслажденіямъ. Католическая церковь потеряла живой духъ и начала искать спасенія въ мертвыхъ формахъ. Съ каждымъ столѣтіемъ растутъ и каноническія правила: никто уже не въ состояніи отличать существеннаго отъ неважнаго и второстепеннаго. Не только на духовныхъ, но и на мірянъ возложено исполненіе безчисленныхъ церемоній и обрядовъ, и если кто изъ нихъ, хотя и ненамѣренно не исполняетъ чего либо, ему уже грозятъ небеснымъ гнѣвомъ и анафемою. Отъ этого происходитъ, что внѣшность и форма стоятъ на первомъ мѣстѣ. Малѣйшее нарушеніе незначительнаго обряда считается величайшимъ грѣхомъ, достойнымъ большого наказанія, а настоящія религіозныя постановленія находятся во всеобщемъ пренебреженіи... При этомъ Матвей пророчески предсказывалъ, что близко то время, когда будутъ уничтожены всѣ человѣческія постановленія, вредныя для доброй нравственности.

Въ одновременномъ существованіи двухъ папъ—Урбана VI въ Римѣ и Климента VII въ Авиньонѣ Матвей подозрѣвалъ кару Божію за преступленія католическаго духовенства и указаніе Провидѣнія на необходимость преобразованія католической церкви. Заботясь о религіозно-нравственномъ возрожденіи чешскаго народа, Матвей призывалъ его къ покаянію и убѣждалъ мірянъ къ ежедневному принятію св. причастія подъ обоими видами.

Въ ряду предшественниковъ Гуса Матвей изъ Янова, по замѣчанію Іордана, занимаетъ первое мѣсто ¹⁾. Въ сочиненіяхъ его, какъ-бы въ зародышѣ, лежатъ всѣ будущія направленія чешскаго религіознаго движенія. Подкопавъ въ самомъ основаніи римско-іерархическій авторитетъ, Матвей провозгласилъ торжество пачала личнаго и своимъ возвращеніемъ къ основѣ восточной

¹⁾ Vorläufer des Hussitentums 1. s. 48.

церкви особливо въ ученіи о причащеніи онъ крѣпко связалъ дѣло преобразованія церкви съ дѣломъ народнымъ. Въ принципѣ никто изъ чешскихъ преобразователей не могъ пойти далѣе его, и лишь развитіе подробностей принадлежитъ его послѣдователямъ. Ему обязанъ Гусъ болѣе, нежели кому либо другому своимъ успѣхомъ. На его ученіи утвердили Янубекъ изъ Стрибра и чашники свой догматъ о причащеніи, изъ него извлекли табыриты зародышъ своего ученія, въ его системѣ коренились и многія другія секты.

Непосредственное и ближайшее значеніе какъ Матвея изъ Янова, такъ и Милича состояло въ томъ, что они своими сочиненіями и проповѣдями способствовали возбужденію и возвышенію въ религіозно-нравственномъ состояніи массы народа. Благодаря ихъ дѣятельности, христіанская жизнь начала мало по малу возрождаться въ Чехіи, въ народѣ терялось слѣпое уваженіе къ пустому формализму и церемоніямъ католицизма, и сильнѣе сказывалась преданность старинной вѣрѣ отцевъ. Въ исходѣ XIV в. подлѣ официальной латинской церкви въ Чехіи стали появляться особые религіозныя общества, которыя еще не отдѣляясь отъ нея явно, собирались въ домахъ и потаенныхъ мѣстахъ, чтобы слушать проповѣди на народномъ чешскомъ языкѣ. Въ 1391 г. чешскій рыцарь Іоаннъ изъ Мюльгейма, усматривая, что всѣ многочисленные въ Прагѣ храмы такъ заняты установленнымъ священнодѣйствіемъ, что въ нихъ нѣтъ мѣста для проповѣди слова Божія и что проповѣдующіе на народномъ чешскомъ языкѣ должны считаться по домамъ и потаеннымъ мѣстамъ, устроилъ для этихъ проповѣдей особую часовню и обезпечилъ ее на свой счетъ ¹⁾.

То была знаменитая въ исторіи гусситства Вишесемская часовня. Въ 1401 г. Мюльгеймъ по праву патрона часовни изъ

¹⁾ Documenta in Iohannis Hus ed. Palazky. 1869. p. 340.

бралъ на должность проповѣдника при ней магистра Іоанна Гуса, и съ этого времени начинается многознаменательная общественная дѣятельность Гуса, дотожъ замнутая въ университетскомъ кругу.

І. Возникновеніе и развитіе гусситства

1.

Іоаннъ Гусъ.—Вліяніе ученія Виклефа на возбужденіе гусситскаго движенія.—Проповѣдническая дѣятельность Гуса.—Разногласія между партією Гуса, латинскимъ духовенствомъ и пѣвцами.—Удаленіе нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ изъ Праги.

Іоаннъ Гусъ изъ Гусинца, по словамъ Палацкаго, родился въ 1369 г. 6 іюля. О молодости его и первоначальномъ воспитаніи мы почти не знаемъ ничего. Намъ извѣстно только, что онъ сначала посѣщалъ Прахатацкое училище, гдѣ, по собственнымъ словамъ, онъ «учился пѣть молитвы, одобренныя церковію», а потомъ поступилъ въ Пражскій университетъ. Здѣсь онъ скоро прошелъ всѣ тогдашнія ученыя университетскія степени, и, какъ магистръ свободныхъ искусствъ, былъ въ 1396 г. принятъ въ число преподавателей Пражскаго университета. При первомъ вступленіи своемъ въ число преподавателей университета Гусъ заявилъ себя особенною преданностію тѣмъ религіознымъ нововведеніямъ, которыя выразились въ проповѣдяхъ Милича и сочиненіяхъ Матвея изъ Янова и которыя получили особенное развитіе послѣ распространенія въ Чехіи идей Виклефа. Уже въ 1397 г. Гусъ разошелся съ своими товарищами по преподаванію, защищая нѣкоторыя положенія Виклефа.

Сочиненія Виклефа стали распространяться въ Чехіи, по словамъ Палацкаго ¹⁾, уже съ 1385 г. и мало по малу произ-

¹⁾ По словамъ Палацкаго, ученіе Виклефа стало распространяться особенно тогда, когда Чешская княжна Анна, сестра короля Вячеслава

вели значительное возбужденіе между магистрами Пражскаго университета. Уже въ началѣ XIV в. много было слоровъ о положеніяхъ Виклефа. Къ числу Пражскихъ ученыхъ, склонявшихся болѣе или менѣе въ пользу Виклефа, принадлежали кромѣ Гуса: Николай Лютомишльскій, Станиславъ изъ Зноима, Стефанъ Палечъ, Христіанъ Прахатиць и Іеронимъ Пражскій. Послѣдній, принадлежа по рожденію къ низшему дворянству, имѣлъ возможность отправиться въ Оксфордскій университетъ и тамъ особенно познакомился съ ученіемъ Виклефа.

Ученіе Виклефа привлекало сочувствіе Гуса, Іеронима Пражскаго и другихъ ученыхъ чеховъ съ одной стороны потому, что удовлетворяло ихъ философскому реалистическому направленію, а съ другой стороны потому, что въ немъ выражался протестъ противъ папства и злоупотребленій католической іерархіи. Собственно догматическая сторона ученія Виклефа не могла быть принята Гусомъ и его послѣдователями, такъ какъ въ ней подрывалась система вѣры отрицаніемъ пресуществленія. Но та сторона, въ которой выражался протестъ противъ папства и злоупотребленій латинской іерархіи, должна была встрѣтить въ Чехіи тѣмъ большее сочувствіе, что она совершенно соотвѣтствовала начавшемуся здѣсь религіозному движенію. Самъ Гусъ такъ объяснялъ причины своего сочувствія ученію Виклефа: «меня, говорилъ онъ, влечетъ къ Виклефу та слава, которою онъ пользуется у всѣхъ добрыхъ духовныхъ въ университетѣ Оксфордскомъ и у народа вообще, а не у злыхъ, корыстолюбивыхъ, пышныхъ и развратныхъ прелатовъ. Меня привлекаютъ его сочиненія, въ которыхъ онъ всѣми силами старается обратить всѣхъ людей къ закону Христову и побуждаетъ духовныхъ отка-

вышла замужъ за англійскаго короля Ричарда II, и между Оксфордомъ и Прагою начались частныя сношенія (Palazky, *Gesch. von Böhmen* t. III, Abth. 1, s. 216.

заться отъ роскоши и господства міра сего и жить съ апостолами жизнью Христа. Меня влечетъ къ нему та любовь, которую онъ имѣлъ къ закону Христа, истину котораго утверждая, онъ говорилъ, что этотъ законъ не можетъ быть ложнымъ ни въ малѣйшемъ словѣ» ¹⁾).

Но если чехи отнеслись съ сочувствіемъ къ ученію Виклефа, какъ къ представителю реализма и реформатору, протестовавшему противъ злоупотребленій папства и латинской іерархіи, то нѣмцы, ревностные католики и номиналисты, на первыхъ порахъ отнеслись крайне несочувственно къ идеямъ Виклефа. Когда въ Пражскомъ университетѣ высшіе должности занимали чехи: Янъ Гусъ былъ ректоромъ, а Николай Лютомишльскій вице-канцлеромъ, тогда реалистическое направленіе преобладало въ университетѣ, и сочиненія Виклефа читались свободно. Когда же въ 1403 г. всѣ высшія должности въ университетѣ заняты были нѣмцами, то образовалась реакція реалистическому направленію, которая скоро получила оттѣнокъ національной вражды. Нѣмецкіе магистры стали преслѣдовать ученіе Виклефа, какъ еретическое, и вмѣстѣ съ тѣмъ обвиняли въ еретичествѣ каждаго чеха, защищавшаго то или другое положеніе Виклефа, хотя бы оно было чисто философскаго характера и вовсе не относилось къ религіозной области.

Понимая невозможность дѣйствовать прямо чрезъ университетское начальство, нѣмцы обратились къ церковному авторитету, указывая на угрожавшую опасность католицизму, при распро-

¹⁾ Neander, Geschichte der Christlichen Kirche IV, 3, 248. Отсюда ясно, какого рода было отношеніе Гуса и всей вообще Чешской реформационной партіи къ ученію Виклефа. Принимая къ сердцу практически нравственную часть его ученія, раздѣляя вполне его взглядъ на іерархію римской церкви, признавая справедливость его философскихъ принциповъ и логическую правильность выводовъ, они однакоже далеки были отъ того, чтобы безусловно принять всѣ догматическія мнѣнія его.

страненіи виклефизма. Пражская соборная капитула, представлявшая собою (въ 1403 г.) по случаю вакансіи Пражской архіепископской кафедрѣ, высшій іерархическій авторитетъ, съ жаромъ взялась за дѣло Виклефа. Два ея члена—Янъ Кбель, архіепископскій офиціалъ и Вячеславъ, архидіаконъ Бехимскій потребовали ея именемъ отъ ректора университета всеобщаго собранія магистровъ для обсужденія положеній Виклефа. Нѣмецкій ректоръ, магистръ Горрасеръ, поспѣшилъ исполнить столь пріятное ему требованіе капитулы. Въ полномъ университетскомъ собраніи 3 мая 1403 г. прочтены были прежде всего 24 положенія Виклефа, осужденныя уже на лондонскомъ соборѣ, вслѣдъ затѣмъ предложены были еще 11 новыхъ положеній, извлеченныхъ и представленныхъ капитулѣ магистромъ Яномъ Гюбнеромъ, членомъ университета пражскаго, родомъ изъ Силезіи. Произошли сильныя пренія. Іоаннъ Гусъ вмѣстѣ съ Николаемъ Лютомишльскимъ протестовалъ противъ того, что Гюбнеръ искажалъ положенія Виклефа и добавилъ, что такіе извратители истиннаго смысла книги знаменитаго ученаго гораздо болѣе достойны огненной казни, нежели два поддѣльщика шафрана, сожженные незадолго предъ тѣмъ въ Прагѣ ¹⁾. Станиславъ изъ Зноима съ жаромъ сталъ отстаивать правоту Виклефа, и его рѣчь навела такою ужасъ на старыхъ католическихъ докторовъ богословія и пѣмцевъ, что многіе изъ нихъ съ негодованіемъ оставили залу, объявивъ, что не въ состояніи слушать долѣе подобныхъ богомерзкихъ рѣчей. Однако, не смотря на всѣ протесты Гуса и его приверженцевъ, совѣтъ университета большинствомъ голосовъ осудилъ положенія Виклефа и запрещалъ подъ страхомъ наказанія за нарушеніе присяги всѣмъ магистрамъ и другимъ членамъ университета учить, повторять или объяснять эти положенія

¹⁾ Höfler, Geschichtschreiber der Hussitischen Bewegung. th. 1. v. VI p. 196.

какъ публично, такъ и тайно ¹⁾. Это постановленіе Пражскаго университета имѣло важное значеніе. Оно было какъ-бы официальнымъ документомъ, свидѣтельствующимъ, что въ Чехіи существуетъ глубокая разность во взглядахъ на церковь и догматы вѣры. Разность эта коренилась очень глубоко, и потому не могла быть уничтожена никакими внѣшними принудительными мѣрами. Мѣры эти не въ силахъ были заглушить сочувствіе Гуса и его приверженцевъ къ тѣмъ положеніямъ Виклефа, въ которыхъ выражался протестъ противъ папства и латинской іерархіи. Что, дѣйствительно, постановленіе пражскаго университета не имѣло практическихъ послѣдствій, это мы видимъ изъ того, что уже въ 1405 г. Иннокентій VII, вслѣдствіе жалобъ, дошедшихъ до него изъ Чехіи, принужденъ былъ обратиться съ увѣщаніемъ къ пражскому архіепископу, чтобы онъ ревностнѣе старался о подавленіи виклефитизма въ Чехіи ²⁾. Теперь религіозное движеніе уже не ограничивалось тѣснымъ кругомъ пражскихъ ученыхъ, но стало съ особенною силою охватывать массы чешскаго народа. Такому широкому развитію религіознаго движенія содѣйствовали главнымъ образомъ народныя проповѣди Гуса въ Вишелемской часовнѣ.

Уже 14 марта 1402 г. Гусъ официально утвержденъ былъ въ должности народнаго проповѣдника при Вишелемской часовнѣ, и съ того времени часовня эта сдѣлалась, какъ выражается Тости ³⁾, народнымъ университетомъ, въ которомъ Гусъ развивалъ истины вѣры и нравственности толпамъ чешскаго народа съ большею ясностію и полнотою, чѣмъ образованнымъ студен-

¹⁾ Raynaldi, *Annales Ecclesiastici* XVII p. 393. Quatenus nemo hujusmodi articulos advent tenere, defendere, vel docem publice, vel occulte.

²⁾ Raynaldi, *Annales Eccl.* 1405. XVII.

³⁾ Tosti, *Gesch. des Conciliums von Constantz.* aus dem ital. übersetzt von B. Arnold. 1866. s. 110.

тамъ Пражскаго университета. Здѣсь было положено начало тому народному движенію, которое въ гусситствѣ выразилось въ религіозной и національной сферѣ ¹⁾. Подобно своимъ предшественникамъ Гусъ также направилъ свою проповѣдь противъ пороковъ мірянъ и духовенства. Но направленіе его проповѣди было болѣе практическимъ и цѣлесообразнымъ, чѣмъ то, которому слѣдовалъ Конрадъ Вальдгаузенъ и Миличъ. Гусъ не употреблялъ суровыхъ приемовъ Конрада Вальдгаузена, не рисовалъ мрачныхъ, фантастическихъ картинъ, не вдавался въ мистицизмъ, подобно Миличу, но прямо дѣйствовалъ на здравый разумъ и неповрежденное чувство своихъ слушателей. Отличаясь обширными познаніями, начитанностію, особенно въ священномъ писаніи, Гусъ не старался подобно современнымъ латинскимъ проповѣдникамъ выставить на видъ всю свою эрудицію, блеснуть схоластическою ученостію, но стремился сообщить своей проповѣди общедоступный характеръ.

Забываясь о религіозно-нравственномъ возрожденіи чешскаго народа, Гусъ обличалъ суевѣрія и нравственные недуги, которыми болѣли его соотечественники, со всею внутреннею глубиною своего убѣжденія и внѣшнею силою слова. Обличая суевѣрія и пороки, Гусъ указывалъ на духовныя средства, могущія содѣйствовать ихъ уврачеванію, разъяснялъ истинный смыслъ религіозныхъ догматовъ, составляющихъ основанія и источники нравственной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ нельзя лучше, угадывалъ современныя потребности народа, который уже какъ-бы инстинктивно стремился къ своей старой вѣрѣ. Не ограничиваясь обличеніемъ мірянъ, Гусъ нападалъ и на злоупотребленія духовенства, укорялъ его въ небрежномъ отношеніи къ своей паствѣ, порицалъ его користолюбіе, гордость, симонію,

¹⁾ Höfler, Geschichtschreiber der Hussitischen Bewegung. 1856 th. 1. Einleitung. s. XIX.

развратную жизнь и указывалъ при этомъ на тѣ явленія, которыхъ народъ былъ самъ свидѣтелемъ и которыя уже презиралъ, но не высказывалъ, не имѣя къ тому средствъ, не видя возможности успѣха. Вишелемскія проповѣди скоро навлекли на Гуса ненависть латинскаго духовенства, но онѣ содѣйствовали сближенію Гуса съ народомъ, завязали между имъ и народомъ моральную связь, ту нравственную солидарность, интересъ которой заключался въ общности религіозныхъ вѣрованій, и сила которой подняла потомъ всю Чешскую землю на борьбу за казня народнаго любимца. Эти же проповѣди обратили вниманіе на Гуса королевы Софіи, которая сдѣлала его своимъ духовникомъ и такимъ образомъ доставила партіи гусситовъ нѣкоторую опору при дворѣ, самъ король Вячеславъ сталъ обнаруживать свою благосклонность къ проповѣднику, особенно послѣ того, какъ онъ выразилъ протестъ противъ излишней свѣтской власти духовенства, ведущей къ большимъ злоупотребленіямъ; мало того, вишелемскія проповѣди на первыхъ порахъ способствовали даже сближенію Гуса съ представителемъ господствующей латинской церкви — пражскимъ архіепископомъ Збинкомъ. Предпринимая мѣры для установленія болѣе строгой церковной дисциплины въ своемъ діоцезѣ, Збинекъ просилъ Гуса доносить ему обо всемъ томъ, что онъ усмотритъ дурнаго въ его округѣ ¹⁾. И Гусъ, какъ извѣстно, выполнилъ вполне добросовѣстно возложенное на него порученіе отъ архіепископа разоблаченіемъ мнимыхъ чудесъ въ Вальснакѣ. Но эти добрыя отношенія между архіепископомъ и Гусомъ стали измѣняться по мѣрѣ того, какъ яснѣе обнаружилось различіе взглядовъ того и другаго на вопросы вѣры и церковной іерархіи. Уже общая молва въ духовенствѣ обвиняла Гуса и его приверженцевъ въ зараженіи виклефитизмомъ. Збинекъ,

¹⁾ Это видно изъ собственноручнаго письма архіепископа къ Гусу, сообщеннаго Палацкимъ.

вида, что декреты университета, запрещавшіе ученіе Виклефа, остаются безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, рѣшился по-разить виклефитизмъ въ самомъ его средоточіи и обратился къ чешской націи въ университетѣ, съ требованіемъ признать законность осужденія еретическихъ статей Виклефа и строжайше запретить ихъ проповѣди и защиту. Согласно желанію Збинька, собрались 28 мая 1408 г. всѣ члены чешской націи у Черной Розы въ Прагѣ. Собраніе это было чрезвычайно многочисленно. На немъ присутствовали: ректоръ Климентъ изъ Минховицъ, магистръ Янъ Еліе, архидіаконъ Пильзенскій, магистръ Петръ изъ Знойма и Станиславъ изъ Знойма, магистръ Стефанъ Палечъ, Якубекъ (всего 64 доктора и магистра, кромѣ 160 бакалавровъ и тысячи студентовъ). На этомъ собраніи приверженцы Гуса снова протестовали противъ безусловнаго осужденія всѣхъ вообще положеній Виклефа. И такъ какъ они составляли большинство, то совѣтъ университета ограничилъ запрещеніе, наложенное на статьи Виклефа. Именно, онъ постановилъ, чтобы «ни одинъ членъ Пражскаго университета не училъ и не распространялъ положеній Виклефа въ еретическомъ, ложномъ, возбуждающемъ соблазнъ смыслѣ (*in sensibus eorum haereticis, aut erroriis. aut scandalosis*); кромѣ того запрещено было бакалаврамъ читать въ университетѣ о трактатахъ Виклефа: 1) *Dialogus*, *Trialogus*, *De Eucharistia*. Запрещеніе это, однако, нисколько не касалось магистровъ и докторовъ Пражскаго университета. Поэтому понятно, что оно не могло удовлетворить архіепископа. Замѣчая, что всѣ подобныя мѣры не воспрепятствуютъ распространенію еретичества, Збинекъ всѣхъ заподозрѣнныхъ въ ереси сталъ подвергать строгому судебному преслѣдованію. Въ числѣ многихъ личностей, привлеченныхъ къ архіепископскому суду, былъ одинъ изъ знаменитыхъ проповѣдниковъ, священникъ Святодуховской церкви Николай изъ Веленовицъ, прозванный Авраамомъ. Не

¹⁾ Raynaldi, *Annales Eccles.* t. XVII. p. 395.

смотря на ходатайство Гуса, отстаивавшаго невинность этого священника, онъ былъ обвиненъ въ еретичествѣ и сначала заключенъ въ темницу, а потомъ вовсе удаленъ изъ діоцеза. Гусъ сильно протестовалъ противъ такой несправедливости и письменно въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ архіепископа за то, что онъ покровительствуетъ празднымъ, порочнымъ священникамъ, а смиренныхъ, ревностныхъ и благочестивыхъ пастырей подвергаетъ преслѣдованіямъ ¹⁾. Вслѣдствіе этого произошелъ явный разрывъ Гуса и его приверженцевъ съ архіепископомъ Збинекомъ.

Религіозное движеніе получило теперь въ Чехіи такую силу, что обратило на себя вниманіе правительства. Король Вячеславъ, весьма мало интересовавшійся догматико-философскими спорами пражскихъ профессоровъ, не могъ оставаться спокойнымъ, когда споры эти приняли такое опасное направленіе и явно вели къ разрыву съ высшими церковными властями католическаго міра. Допустить подозрѣніе въ ереси на свою страну считалось вообще въ средніе вѣка не только предосудительнымъ, но и въ высшей степени вреднымъ для интересовъ государства; у Вячеслава существовали кромѣ того еще особенныя причины, побуждавшія его выставить Чехію предъ всею западною Европою вполнѣ преданною католической церкви и чистою отъ всякихъ ересей. Въ своемъ спорѣ съ Рупрехтомъ Пфальцкимъ за нѣмецкую корону ему необходимо было прежде всего имѣть на своей сторонѣ мнѣніе всѣхъ духовныхъ и политическихъ авторитетовъ католическаго міра. Съ этою цѣлію соображались всѣ его тогдашнія и послѣдующія дѣйствія; для нея онъ принесъ въ жертву свою долгую преданность Римскому папѣ и обѣщался присоединиться къ галликанской партіи, имѣвшей тогда на своей сторонѣ французскаго короля и выставившей на своемъ знамени слова: нейтралитетъ и соборъ; для нея онъ готовъ былъ употребить всѣ

¹⁾ Palazky, Geschichte von Böhmen III, 1. 224.

усилія къ прекращенію церковныхъ распрей въ Чехіи и къ очищенію своего народа отъ подозрѣнія въ «гнусной ереси Виклефа».

Не думая долго Вячеславъ формально потребовалъ отъ архіепископа объявленія, къ какому результату повели всѣ его изслѣдованія и процессы, и можно ли на основаніи ихъ говорить о существованіи ереси въ Чехіи: слабый архіепископъ спѣшилъ исполнить желаніе короля, и на соборѣ 16 іюня 1408 г. торжественно объявилъ, что послѣ произведеннаго строжайшаго изслѣдованія, не оказалось ни одного еретика во всей Чешской землѣ ¹⁾. Совѣсть упрекала боязливаго прелата за это категорическое и не совсѣмъ вѣрное, съ католической точки зрѣнія, объявленіе, и онъ съ обыкновенною своею непослѣдовательностію спѣшилъ ослабить его силу, разославъ предписаніе всѣмъ священникамъ—излагать народу ученіе о причащеніи въ самыхъ точныхъ и положительныхъ формулахъ, предписываемыхъ католическою церковію и строго приказавъ всѣмъ магистрамъ, бакалаврамъ и другимъ членамъ Пражскаго университета выдать ему на пересмотръ всѣ книги Виклефа, находящіяся у нихъ въ рукахъ. Такія мѣры Эбинка не только ослабили силу и значеніе выданнаго имъ самимъ объявленія, но и дѣлали неизбѣжными новыя сильныя столкновенія. Вражда и безъ того уже была такъ сильна, намѣренія и цѣли обѣихъ сторонъ такъ ясны, что достаточно было ничтожнаго повода для произведенія рѣшительной и окончательной катастрофы. Этою катастрофою было удаленіе нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ изъ Праги.

Чехи давно роптали на то, что нѣмцамъ предоставлены были особенныя привиллегіи въ государствѣ. Ропотъ усилился особенно съ того времени, когда нѣмцы получили перевѣсъ надъ

¹⁾ Concilien—geschichte—Hefele VII s. 34.

чехами по большинству голосовъ не только въ пражскомъ магистратѣ, но и въ университетѣ. Король Вячеславъ, подобно своимъ предшественникамъ, мало заботился о національныхъ интересахъ, а потому и не обращалъ вниманія на ропотъ своего народа. Но теперь случилось такое событіе, которое въ интересахъ собственной его пользы побудило стать на сторону чеховъ и противъ нѣмцевъ. Пизскій соборъ, заботясь объ уничтоженіи великаго папскаго раскола, послѣ неудачныхъ попытокъ побудить папъ—совмѣстниковъ Бенедикта XIII и Григорія XII къ добровольному отреченію отъ папства, рѣшился принудить къ отреченію другимъ путемъ. Онъ предложилъ государямъ западной Европы соблюдать нейтралитетъ по отношенію къ обоимъ папамъ—совмѣстникамъ, къ этому также приглашенъ былъ Вячеславъ, Кардиналы, прося его отречься отъ повиновенія Григорію XII, ласкали надеждою, что новый папа признастъ его императоромъ, и Вячеславъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе. Онъ требовалъ, чтобы духовенство, народъ и университетъ Пражскій также отказались отъ повиновенія Григорію XII, но университетъ въ лицѣ нѣмцевъ и латинское духовенство съ пражскимъ архіепископомъ во главѣ отказались выполнить волю короля. Это вооружило Вячеслава какъ противъ духовенства, такъ и противъ нѣмцевъ, а потому когда депутаты чешской націи настоятельно просили предоставить чехамъ право большинства голосовъ, то король послѣ нѣкотораго колебанія, побуждаемый главнымъ образомъ личнымъ интересомъ, уступилъ депутаціи. Онъ издалъ декретъ, предоставлявшій чехамъ право трехъ голосовъ въ Пражскомъ университетѣ. Нѣмцы сначала протестовали противъ этого, но когда на протѣстъ ихъ не было обращено никакого вниманія, они рѣшились оставить Прагу.

2.

Развитіе гусситства по удаленіи нѣмцевъ изъ Праги.—Мѣры папы и пражскаго архіепископа противъ распространенія въ Чехіи «ереси».—Протестъ Гуса и его приверженцевъ противъ продажи отпусковъ.—Разногласія между католическою и гусситскою партією.—Дѣятельность Гуса по удаленіи изъ Праги —Путешествіе Іеронима Пражскаго.

Съ удаленіемъ нѣмцевъ изъ Праги прорвана была, по выраженію Палацкаго, плотина, преграждавшая потокъ преобразовательныхъ идей. Пражскій университетъ, бывшій въ лицѣ нѣмцевъ сильнѣйшимъ охранителемъ католицизма въ Чехіи, по удаленіи ихъ сдѣлался защитникомъ гусситства и сталъ во главѣ новаго религіознаго движенія. Число гусситскихъ проповѣдниковъ теперь значительно увеличилось. Латинскіе священники явно стали переходить на ихъ сторону. Гусситы теперь открыто отдѣляются отъ общей массы латинскаго населенія и слагаются въ особую общину, которую главный руководитель ихъ впервые называетъ своею и противопоставляетъ западному духовенству. Въ этомъ отношеніи Кохлей съ своей точки зрѣнія совершенно справедливо говоритъ, что «за паденіемъ университета послѣдовало скоро паденіе католической вѣры, вслѣдствіе котораго въ просвѣщеннѣйшее королевство чешское разомъ ринулось все дурное и злое: ереси, схизмы, богохульства, пагубные диспуты, раздоры и войны» ¹⁾, удручавшіе королевство болѣе 50-ти лѣтъ (1409—1460).

Пражскій архіепископъ Збинекъ, истощивши съ своей стороны всѣ мѣры для противодѣйствія гусситству, рѣшился наконецъ обратиться за содѣйствіемъ въ этомъ ко папѣ Александру V. Онъ донесъ папѣ, что уже во всей Чехіи и Моравіи проповѣди

¹⁾ Raynaldi, Annales Eccles. XVII p. 396. 1409—88.

въ народныхъ часовняхъ и чтеніе книгъ Виклефа производять многочисленныя ереси, особенно въ отношеніи къ таинству евхаристіи, и что дѣятельное вмѣшательство власти первосвященника необходимо, чтобы пресѣчь зло. Вслѣдствіе такого донесенія папа издалъ 20 декабря 1409 г. особенную буллу, которою уполномочивалъ архіепископа при помощи четырехъ докторовъ богословія и двухъ докторовъ права искоренить ереси и заблужденія въ своемъ діоцезѣ, воспретить подъ опасеніемъ анаемы и заточенія распространеніе ученія Виклефа, отобрать книги Виклефа у кого онѣ находились и не позволять проповѣдывать нигдѣ, кромѣ соборныхъ, монастырскихъ и приходскихъ церквей ¹⁾. Булла эта однако не произвела въ Чехіи желаемого дѣйствія. Король, не желая навлечь на свою страну подозрѣніе въ ереси, потребовалъ отъ архіепископа формальнаго указація, гдѣ эта ересь, о которой говорится въ буллѣ, и кто ея участники. Вельможи явно стали на сторону Гуса, выставляли архіепископа какимъ-то измѣнникомъ, самовольно распускающимъ слухъ о небывалой ереси. Гусъ по прежнему продолжалъ проповѣдывать слово Божіе въ Вишелемской часовнѣ. Однако Збинекъ, не обращая вниманія на все это, снова потребовалъ къ себѣ книги Виклефа, и, по разсмотрѣніи ихъ на провинціальномъ соборѣ (16 іюня 1410 г.), издалъ декретъ, по которому всѣ отобранныя книги, какъ еретическія, были приговорены къ сожженію, и публичныя проповѣди въ капеллахъ были строго запрещены ²⁾. Это распоряженіе Збинека произвело самое гяжелое впечатлѣніе на всѣ сословія чешскаго народа: король, королева, граждане, вся Прага и Чехія были противъ архіепископа ³⁾.

Чешскій университетъ въ лицѣ своихъ членовъ сильно про-

1) Ibid. XVII p. 396. 1409—89.

2) Geschichte von Böhmen, Palazky. III. 248.

3) Pelzel, Lebensgeschichte des Königs Wenzel. Urkundenbuch. II. s. 568.

тестовалъ противъ постановленія о сожженіи книгъ. Декретъ собора сдѣлался предметомъ бурной полемики въ чешскомъ народѣ. Многіе изъ толпы черни громко кричали: «прелаты лгутъ, обвиняя насъ въ ереси». Нѣсколько дней спустя по изданіи декрета (25 іюня 1410 г.) гусситы на большомъ собраніи въ Виолсемской часовнѣ рѣшились подать апелляцію на архіепископа новому папѣ Іоанну XXIII. Збинець, опасаясь, чтобы новый папа не отмѣнилъ постановленія своего предшественника, поспѣшилъ торжественно сжечь книги Виклефа въ присутствіи духовенства, при пѣніи *Te Deum laudamus* и колокольномъ звонѣ; 18 іюля архіепископъ отлучилъ отъ церкви Яна Гуса и его сторонниковъ, провозглашая о томъ во всѣхъ церквяхъ своего діоцеза.

За этимъ произошло въ Прагѣ сильное смятеніе. Гусситы составляли пасквили противъ архіепископа, распѣвали по улицамъ Праги составленныя противъ него пѣсни и черѣдко вступали въ борьбу съ латинскимъ населеніемъ. Только вмѣшательство короля прекратило эти волненія.

Едва утихло это волненіе, какъ въ Прагѣ получено было извѣстіе о томъ, что папа Іоаннъ XXIII вполне оправдываетъ всѣ распоряженія пражскаго архіепископа и требуетъ Яна Гуса въ Римъ къ отвѣту. Вячеславъ былъ глубоко оскорбленъ этимъ какъ король. Онъ написалъ папѣ собственноручное письмо, въ которомъ выражалъ свою непремѣнную волю, чтобы права Виолсемской часовни были восстановлены, чтобы личный вызовъ Гуса былъ отмѣненъ, и наложено было молчаніе на тяжущіяся стороны. Гусъ вмѣсто себя отправилъ въ Болонью трехъ прокураторовъ. Однако кардиналъ Колонна (будущій папа Мартинъ V), которому былъ порученъ процессъ Гуса, вовсе не хотѣлъ выслушивать прокураторовъ, и послѣдніе принуждены были обратиться съ жалобою къ папѣ. Папа поручилъ процессъ Гуса другимъ кардиналамъ, во главѣ которыхъ находились Францъ Забарелла и Людвигъ Бралкаччіо. Забарелла, человекъ просвѣщенный, правдивый и добросовѣстный, оправдалъ

Гуса, но внезапно, по неизвестной причинѣ, онъ передалъ дѣло Гуса кардиналу Бралкаччіо, который, не смотря на всѣ старанія повѣренныхъ Гуса, тянулъ дѣло болѣе года безъ всякихъ послѣдствій, и только послѣ длинныхъ проволочекъ утвердилъ приговоръ колонны. Въ силу этого приговора пражскій архіепископъ 15 марта 1415 г. повелѣлъ подчиненнымъ священникамъ предать Гуса и его приверженцевъ церковному отлученію. Но когда нѣкоторые священники рѣшительно отказались привести въ исполненіе приговоръ объ отлученіи гусситовъ, а народъ отнесся съ явнымъ презрѣніемъ къ этому приговору, то архіепископъ счелъ необходимымъ наложить интердиктъ на весь городъ. Тогда озлобленный народъ воздвигъ явное гоненіе на латинское духовенство. Многіе латинскіе священники изгнаны были изъ Праги и лишены бенефицій. Король Вячеславъ отобралъ въ казну нѣкоторыя церковныя сокровища и издалъ законъ, чтобы никто не смѣлъ вызывать никого къ суду духовному подъ опасеніемъ потери бенефицій или церковныхъ доходовъ ¹⁾. Впрочемъ король, руководимый своими политическими интересами вскорѣ прекратилъ преслѣдованіе латинскаго духовенства и сдѣлалъ попытки примирить объ враждующія партіи—католическую и гусситскую. По его настоянію сваряженъ былъ съ этою цѣлію примирительный судъ изъ 12-ти членовъ. По рѣшенію этого суда, состоявшемуся въ іюлѣ 1411 г., архіепископъ долженъ былъ смириться предъ королемъ и писать папѣ, что ему ничего не извѣстно о ереси въ Чехіи и что всѣ разногласія между имъ и Гусомъ теперь прекращены. Кромѣ того архіепископъ долженъ былъ ходатайствовать о снятіи папской анафемы со всѣхъ отлученныхъ, объ избавленіи Гуса отъ явки въ римскую курію и о полномъ обезпеченіи правъ университета ²⁾.

¹⁾ Palazky, Geschichte von Böhmen III. 1. 265.

²⁾ Höfler, Geschichtschreiber der Hussitischen Bewegung th. 1. s. 20. 291. 294.

Вѣроятно это примиреніе было поводомъ того, что Гусъ въ большомъ собраніи членовъ университета въ Каролинѣ 1-го сентября 1411 г. изложилъ свое исповѣданіе вѣры въ формѣ письма къ Іоанну XXIII. Въ немъ Гусъ исповѣдуетъ чистоту своей вѣры и отвергаетъ всѣ возводимыя на него обвиненія, какъ несправедливыя: «Исповѣдую всѣмъ сердцемъ, что Іисусъ Христосъ— истинный Богъ и истинный человѣкъ, что храмъ Его, св. церковь основана на непоколебимомъ камнѣ, и врата адава не одолѣютъ ея... Я скорѣе готовъ подвергнуться смерти, чѣмъ учить и утверждать что либо несогласное съ ученіемъ Христа и Его церкви; посему я по чистой совѣсти увѣряю, что враги истины ложно оклеветали меня предъ апостольскимъ престоломъ: они ложно доносили и доносятъ, будто я проповѣдывалъ, что въ таинствѣ евхаристіи остается субстанція вещественнаго хлѣба, что священникъ въ смертномъ грѣхѣ не можетъ совершать таинства, будто я возбуждалъ народъ къ преслѣдованію духовенства, къ отнятію у него имущества, къ изгнацію нѣмцевъ» и проч. ¹⁾.

Это примиреніе гусситской партіи съ католическою не могло быть прочно, потому что оно было заключено не столько по добровольному ихъ соглашенію, сколько по распоряженію короля. Не прошло еще двухъ мѣсяцевъ по заключеніи примирительнаго акта, какъ архіепископъ Збипекъ въ письмѣ къ королю сталъ жаловаться на несоблюденіе договора гусситскою партіею, на продолжающіяся преслѣдованія латинскаго духовенства, на проповѣдываніе еретическихъ заблужденій, распространеніе пасквилей противъ него и папы и т. п. Скоро представился поводъ и къ полному разрыву гусситской партіи съ католическою.

Уже въ концѣ 1411 г. папа Іоаннъ XXIII хотѣлъ предпринимать крестовый походъ противъ Владислава Неаполитанскаго короля. Двумя крестовыми буллами, изданными 9 септября 1411 г.

¹⁾ Raynaldi, Annal. XVII p. 424 an. 1412 n. 3.

— 113 —

папа объявилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые съ чистымъ покаяніемъ или лично примутъ участіе въ священной войнѣ, или выставятъ бойцовъ за себя или даже по возможности будутъ содѣйствовать деньгами великому предпріятію. Въ маѣ 1412 г. въ Прагу явились двое монаховъ и на площади при барабаномъ боѣ начали соблазнительную продажу пидульгенцій. Гусъ и его сторонники, въ особенности Іеронимъ Пражскій, выразили протестъ противъ продажи отпущенія грѣховъ и всенародно съ церковной кафедрой стали проповѣдывать о ея незаконности. Не ограничиваясь этимъ Гусъ назначилъ диспутъ, на которомъ онъ предложилъ подвергнуть обсужденію вопросъ о сообразности папской буллы съ заповѣдами христіанской религіи.

Не смотря на противодѣйствіе короля, Пражскаго архіепископа Албика, диспутъ состоялся. Диспутъ этотъ, какъ и можно было ожидать, былъ чрезвычайно бурный. Гусъ особенно горячо возставалъ противъ того, что папа, считавшій себя намѣстникомъ Христа, проповѣдуетъ кровопролитную войну противъ христіанъ-единовѣрцевъ, которые виновны только въ преданности своему законному государю. Нѣкоторые старѣйшіе доктора богословскаго факультета, какъ ревностные католики, на основаніи церковнаго и государственнаго права, старались опровергнуть доводы Гуса: упрекали его въ неблагодарности, что онъ возстаетъ противъ того, кому обязанъ своимъ саномъ священства и проч. Народъ началъ роптать противъ докторовъ и выражалъ готовность побить камнями всякаго осмѣливагося возражать Гусу. Правоту Гуса особенно горячо отстаивалъ другъ его Іеронимъ Пражскій. Защитительная рѣчь Іеронима проникнута была такимъ чувствомъ, что студенты, въ порывѣ величайшаго восторга, триумфально проводили его домой, между тѣмъ какъ вся масса послѣдовала за своимъ возлюбленнымъ учителемъ Гусомъ и увѣщевала его мужаться... Сочиненія Гуса «De indulgentiis» и «Contra bullam Papae» возбудили въ народѣ чрезвычайное волненіе. Папу

громко называли антихристомъ, распространяли пасквили противъ прелатовъ, папскія буллы повѣсили на груди одной распутной женщины и въ такомъ видѣ возили ихъ по городу ¹⁾, какъ чувственный знакъ «вавилонской блудницы», а потомъ сожгли ихъ на кострѣ. Защитники папскихъ распоряженій встрѣтили сопротивление въ народѣ: 10 іюля въ воскресенье трое молодыхъ людей изъ простаго званія публично возражали латинскимъ сторонникамъ папскихъ буллъ и, не смотря на все усилія Гуса, были тотчасъ-же приговорены городскимъ совѣтомъ къ казни чрезъ обезглавленіе. Народъ видѣлъ въ нихъ мучениковъ, съ торжествомъ при пѣніи церковной молитвы: *isti sunt sancti, qui pro testamento Dei sua corpora tradiderunt*, отнесъ тѣла ихъ въ Виемскую часовню, гдѣ была совершена торжественная, народная молитва за упокой душъ за народъ пострадавшихъ...

Когда Гусъ съ своими приверженцами явно сталъ въ оппозицію противъ папства, католическая партія, состоявшая преимущественно изъ докторовъ богословскаго факультета, обратилась къ королю съ просьбою запретить распространеніе виклефитизма и проповѣдываніе противъ индульгенцій. Король Вячеславъ, опасаясь навлечь на себя подозрѣніе въ покровительствѣ ереси и въ тоже время не желая подавить гусситства, которому онъ видимо сочувствовалъ, рѣшился только отчасти выполнить настоятельную просьбу католической партіи. Онъ положительно отказалъ въ запрещеніи проповѣди, но воспретилъ распространеніе 43 положеній Виклефа подъ угрозою изгнанія изъ страны и кромѣ того согласился на осужденіе новыхъ шести статей изъ ученія гусситовъ, направленныхъ большею частію противъ догматовъ католической церкви и папской власти (14 іюля 1412 г. ²⁾).

¹⁾ Raynaldi, *Annales Eccl.* XVII p. 414 ann. 1411. n. 5.

²⁾ Статьи эти были слѣдующія: 1) кто вѣритъ во св. таинства и ключи церкви (*et clavibus Ecclesiae*) не согласно съ римскою церковію, тотъ еретикъ; 2) учить, что въ эти дни царствуетъ тотъ великій анти-

н Не смотря на сильное противоѣйствіе католической чешской партіи Гусъ и его послѣдователи продолжали проповѣдывать въ томъ же духѣ. Папа еще не получалъ формально свѣденій о настоящемъ положеніи Чехіи, но вскорѣ послѣ описываемыхъ событій пражскіе священники занесли ему тайно жалобу чрезъ своего прокуратора Михаила изъ Нѣмецкаго Брода (извѣстнаго подъ именемъ Михаила de causis), что Гусъ болѣе двухъ лѣтъ проповѣдуетъ противъ духовенства, нападаетъ на папскіе отпуски и распространяетъ свои пагубныя сочиненія во всѣхъ окрестныхъ странахъ и успѣлъ уже заразить ими много душъ христіанскихъ. Вслѣдствіе этой жалобы папа поручилъ кардиналу Петру Св. Ангела произвести новое слѣдствіе, непосредственнымъ результатомъ котораго было то, что Гусъ вмѣстѣ съ своими приверженцами былъ преданъ апостольскому проклятію, и на мѣстопробываніе его наложенъ строжайшій интердиктъ. Эти строгія мѣры не только не ослабили, но еще усилили религіозное раздѣленіе въ Чехіи. Гусситы отнеслись съ явнымъ презрѣніемъ къ папскому интердикту и еще сильнѣе стали издѣваться надъ папствомъ, папская булла встрѣчена была язвительными насмѣшками: гусситы пародировали каждое слово ея; гдѣ сказано въ буллѣ «на вселенскомъ соборѣ» (in generali Concilio), они ставили in

христѣ, который по ученію свящ.-писанія и отцовъ церкви долженъ явиться въ концѣ будущаго вѣка, значить допускать очевидное заблужденіе. Заблуждаются тѣ, которые учатъ: 3) что не должно почитать постановленій отцовъ церкви и церковныхъ обрядовъ на томъ основаніи, что объ нихъ не говорится въ свящ. писаніи; 4) что священники не могутъ разрѣшать отъ грѣховъ или отпущать кающемуся во грѣхахъ, но что только объявляютъ (denuntiant) кающемуся объ отпущеніи грѣховъ; 5) что папа не можетъ въ случаѣ необходимости вызывать вѣрующихъ во Христа, или просить отъ нихъ временнаго вспоможенія для защиты апостольскаго престола римской церкви, для укрощенія враговъ христіанскихъ и давать при этомъ истинно-кающимся отпущеніе грѣховъ (Höfler, Geschichtschreiber des Hussitischen Bewegung. Th. II. s. 202, th. III. s. 41. 45).

angulari (на соборѣ въ углу), куда собираются для совѣщаній не представителя католической церкви со всѣхъ христіанскихъ державъ, а не многіе святотатцы, гдѣ властвуютъ неограниченно декреталии, а законъ Божій поверженъ въ углу. Гдѣ булла гласить объ еретическихъ мнѣніяхъ, они выставляли вопросъ: а гдѣ эти ереси, папа? назови ихъ по имени, не то самъ произносишь на себя осужденіе ¹⁾).

Когда папа прислалъ гордое посланіе въ Чехію, въ которомъ онъ требовалъ отъ Вячеслава содѣйствія свѣтской власти къ истребленію ереси, снова раздается изъ устъ гусситства злая иронія. Когда католическая партія вздумала разрушить Вишелемскую часовню и схватить самого проповѣдника, она встрѣтила со стороны гусситовъ сильное сопротивленіе. По этому случаю снова произошли въ Прагѣ волненія, и Вячеславъ изъ предосторожности предложилъ Гусу оставить Прагу. Мѣсто Гуса въ Вишелемской часовнѣ занялъ его возлюбленный ученикъ Хавликъ (Hawlik).

Не смотря на удаленіе Гуса раздоръ между католическою и гусситскою партіями продолжался. Вячеславъ, желая возстановить давно желанный миръ въ своемъ государствѣ и положить конецъ худой молвѣ о славѣ народа, предложилъ духовенству составить мѣстный соборъ для примиренія враждующихъ партій. Удовлетворяя его желанію, Конрадъ епископъ Ольмюцкій, какъ администраторъ Пражскій (заступившій мѣсто Албика), вмѣстѣ съ епископомъ Іоанномъ Лютомышльскимъ 6 февраля 1413 г. созвали большой соборъ въ Прагѣ, на который приглашены были представители обѣихъ сторонъ. Самъ Гусъ лично не присутствовалъ на этомъ соборѣ, но вмѣсто него былъ искренній его другъ Іоаннъ изъ Есеницы, который совершенно раздѣлялъ образъ мы-

¹⁾ Гусъ и Люгеръ, Новикова, ч. I, стр. 47. Raynaldi, Annales Eccl XVII, p. 426.

слей Гуса и не напрасно считался его ревностнѣйшимъ приверженцемъ. Профессора богословскаго факультета, представители крайней католической партіи—Станиславъ изъ Знойма, Стефанъ Палечъ, Андрей изъ Чешскаго Брода и др. представили записку, въ которой разногласія гусситовъ въ дѣлѣ вѣры были подведены подъ три категоріи: а) «прежде всего нововводители заблуждаются въ ученіи о семи таинствахъ, о религіозныхъ обрядахъ, о мощахъ и отпущеніяхъ; б) они признають рѣшительнымъ авторитетомъ въ дѣлѣ вѣры только Библію (по ихъ собственному выраженію) но не римскую церковь, которой глава—папа, а кардиналы—тѣло; в) они отвергають римскую іерархію, не хотятъ повиноваться папѣ, епископамъ и священникамъ». Лучшее средство для возстановленія церковнаго мира состоитъ (по мнѣнію профессоровъ богословскаго факультета) въ томъ, чтобы нововводители были побуждены силою верховной власти къ соединенію въ этихъ трехъ пунктахъ съ римско-католическою церковію.

Естественно, гусситская партія сдѣлала другія предложенія для заключенія мира. Она требовала: а) возвращенія въ законную силу примирительной сдѣлки между Гусомъ и архіепископомъ 1411 г.; б) уравниенія Чехіи съ другими державами въ церковномъ управленіи; в) созванія такого собора духовенства, на которомъ Гусъ могъ-бы присутствовать лично, предоставляя всякому право обвинить его въ ереси съ условіемъ подвергнуться денежному взысканію въ случаѣ ложнаго обвиненія, но католическая партія не намѣрена была соглашаться на такіа предложенія гусситовъ. Епископъ Лютомышльскій Іоаннъ Желѣзный написалъ на нихъ возраженія и требовалъ съ своей стороны избранія вице-канцлера университета, облеченнаго полицейскою властію въ наказаніи ересей, и совершеннаго запрещенія проповѣди Гусу и его приверженцамъ и конфискаціи сочиненій Гуса, написанныхъ на чешскомъ языкѣ. Вслѣдствіе такихъ требованій полемика между представителями гусситской и католической пар-

тій возгорѣлась съ новою силою и соборъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій ¹⁾).

Не смотря на неудачныя попытки примирить католиковъ съ гусситами на Пражскомъ соборѣ, Вячеславъ не отчаявался достигнуть этого другими мѣрами. Онъ учредилъ комиссію изъ четырехъ членовъ: архіепископа Албига, Христіана Прахатицкаго, ректора университета, Здислава изъ Любуша и друг. Но представители католической партіи—Станиславъ изъ Знойма, Стефанъ Палечъ и др. въ самомъ началѣ засѣданій обвинили комиссію въ слабости и пристрастіи. Стефанъ Палечъ протестовалъ во-первыхъ противъ названія «партіи», потомъ онъ требовалъ точнѣе и полнѣе опредѣлить слово «церковь» (св. римская церковь, глава которой папа Іоаннъ XXIII, а тѣло—ея кардиналы), наконецъ протестовалъ²⁾ противъ прибавки, ограничивающей постановленія католической церкви: «подчиняться этой церкви такъ, какъ прилично каждому истинному и вѣрующему христіанину». Дѣйствительно, прибавкою этою гусситы думали оградить цѣльность и чистоту своихъ вѣрованій и выѣстъ оправдать свое отдѣленіе отъ католической церкви тѣмъ легче, чѣмъ болѣе они убѣждены были въ правотѣ своей. Послѣ двухъ-дневныхъ безплодныхъ споровъ католическіе доктора (профессора богословскаго факультета) не явились на совѣщаніе и поэтому изгнаны были Вячеславомъ изъ Чехіи, какъ послушники его королевской воли и виновники всѣхъ неурядицъ ²⁾).

Изгнаніемъ четырехъ главнѣйшихъ профессоровъ богословскаго факультета (Станислава и Петра изъ Знойма, Стефана Палеча и Іоанна Гелію) католическая партія въ Прагѣ понесла большую потерю, но за нею слѣдовала другая, болѣе значительная—

¹⁾ Raynaldi, Annales Eccles. XVII p. 426 m. 9. Conciliengeschichte—Hefel. VII Abth. 1. 53.

²⁾ Ibid .. Еще у Гёллера Geschichtschreiber B. 1. s. 28—37.

преобразование магистрата, доселѣ состоявшаго почти изъ однихъ нѣмцевъ, которые, по національной враждѣ къ чехамъ, старались противодѣйствовать гусситству. Теперь, по повелѣнію короля, члены магистрата стали избираться въ равномерномъ числѣ изъ нѣмцевъ и чеховъ. Важнѣйшимъ послѣдствіемъ такой реформы было—формальное ослабленіе въ Чехіи католицизма.

Изгнаніе Гуса изъ Праги не принесло никакой существенной пользы приверженцамъ латинской церкви. Напротивъ оно способствовало болѣе широкому распространенію ученія его за предѣлами главнаго города Чехіи. Поселившись въ городѣ Усти (Austi) въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вѣкогда былъ основанъ городъ Таборъ, Гусъ по прежнему ревностно распространялъ свое ученіе или посредствомъ письменныхъ сочиненій, или посредствомъ проповѣдей. Изъ сочиненій его, написанныхъ въ этомъ періодѣ особенно имѣлъ важное значеніе для развитія гусситства tractatus de Ecclesia, гдѣ въ стройной логической системѣ развивается ученіе *«о единой, святой, каволической или вселенской церкви»*. Это ученіе уничтожало всю католическую систему и папство: «церковь есть общеніе вѣрующихъ; она обнимаетъ все народы земнаго шара; глава ея есть Господь Іисусъ Христосъ, *не имѣющій на землѣ своего намѣстника*; нѣтъ ни греко-восточной, ни западно-римской церкви, есть лишь одна церковь—Христа; греко-восточная ея часть сохранила истину, западно-римская же уклонилась отъ истины ¹⁾. Сочиненіе это произвело въ Чехіи громадный переворотъ: огромное большинство духовенства и мірянъ открыто присоединилось къ числу гусситовъ, которые съ этихъ поръ называютъ свою вѣру «евангельскою» и противоплагаютъ себя приверженцамъ Рима, какъ «сектантамъ».

¹⁾ Этотъ трактатъ въ отрывкѣ на нѣмецкомъ языкѣ находится у Гельфerta. s. 284—289.

Находясь подъ защитою владѣльца Козьяго замка Яна старшаго изъ Усти, Гусъ удобно могъ продолжать свою проповѣдническую дѣятельность. Онъ проповѣдывалъ или въ Краковѣ, или въ окрестныхъ деревняхъ и мѣстечкахъ, часто на открытомъ полѣ, при чрезвычайномъ стеченіи народа. Проповѣдь его привлекала особенное сочувствіе народа главнымъ образомъ потому, что онъ обличалъ безнравственность папы, кардиналовъ и остальнаго католическаго духовенства. Долгое пребываніе Гуса въ Усти на мѣстѣ знаменитаго Табора, безъ сомнѣнія, способствовало тому, что оно сдѣлалось центромъ гусситства, независимымъ отъ Праги, и въ немъ образовалось зерно секты таборитовъ ¹⁾.

Въ то время, когда Гусъ принужденъ былъ оставить Прагу, его другъ Іеронимъ также удалился оттуда, вѣроятно, съ намѣреніемъ удовлетворить своей наклонности къ путешествію и вмѣстѣ содѣйствовать распространенію гусситства за предѣлами Чехіи. Уже раньше онъ путешествовалъ въ Венгрію (въ 1410 г.) и вслѣдствіе жалобы архіепископа Збинека, поданной Сигизмунду, какъ распространитель ереси, былъ посаженъ въ тюрьму. По освобожденіи Іеронимъ путешествовалъ въ Вѣну, гдѣ, по настоянію профессоровъ университета, officialъ Пассавскаго епископа Андрей Гриллехнеркъ потребовалъ отъ него отчета въ вѣрѣ. При допросѣ Іеронимъ навлекъ на себя подозрѣніе въ ереси и долженъ былъ обѣщать—не оставлять города до тѣхъ поръ, пока не оправдается. Однако Іеронимъ не захотѣлъ рисковать своею жизнію и, при первомъ удобномъ случаѣ, рѣшился убѣжать изъ Вѣны. Въ послѣдствіи онъ оправдывалъ этотъ поступокъ тѣмъ, что противъ него дѣйствовали не по законной формѣ, а насиліемъ ²⁾. Последнее самое большее путешествіе Іеронимъ принималъ, какъ самъ говорить, по желанію короля Владислава

¹⁾ Palazky, Geschichte von Böhmen R. III, Abth. 1. 211.

²⁾ Raynaldi Annal. Eccles. XVII. p. 480.

и великаго князя литовскаго Витовта въ Польшу и Россію (1413 года). Въ Краковѣ Іеронимъ жилъ при дворѣ польскаго короля и, не смотря на свое короткое пребываніе, произвелъ въ средѣ мѣстнаго духовенства и народа такое смятеніе, какого никогда прежде тамъ не бывало ¹⁾. Отсюда Іеронимъ сопровождалъ Витовта въ Литву и западную Россію. Въ Псковѣ и Витебскѣ онъ обнаружилъ явное сочувствіе православію: присутствовалъ въ русскихъ церквахъ при богослуженіи, кланялся русскимъ мощамъ и иконамъ и даже причащался Св. тайнъ.

Эти путешествія Іеронима не могли не содѣйствовать распространенію Гусситства за предѣлами Чехіи, особенно въ славянскихъ странахъ. Если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Гусъ имѣлъ переписку съ королемъ Владиславомъ и если припомнимъ, какое живое участіе принимали въ судьбѣ Гуса и Іеронима польскіе вельможи, то мы должны по крайней мѣрѣ согласиться съ тѣмъ, что гусситство принято было поляками съ сочувствіемъ.

Въ то время, когда гусситство получило широкое развитіе, представители католической церкви стали принимать средства для искорененія новой ереси. Папа Іоаннъ XXIII, возбуждая короля Вячеслава противодѣйствовать гусситству силою своей свѣтской власти, въ то же время обратился за содѣйствіемъ въ этомъ къ императору Сигизмунду, французскому королю и парижскому университету. По этому случаю знаменитый канцлеръ Герсонъ написалъ посланіе къ администратору пражской епархіи, въ которомъ доказывалъ, что искорененіе новой ереси возможно только посредствомъ «огня и меча». Эта крайняя мѣра, рекомендовавшаяся

¹⁾ Краковскій епископъ Адальбертъ писалъ о Іеронимѣ (2 Апр. 1413 года) къ патріарху Венцеславу слѣдующее: «qui tanta licet hic paucis diebus movavetur, majores in clero et populo fecit commotiones, quam fuere factae a memoria hominum in diocesi ista».....

— 122 —

лся либеральнымъ Герсономъ, не была пока приложена на практикѣ. Сначала рѣшили попытаться дѣйствовать противъ гусситовъ болѣе гуманными мѣрами. Такія мѣры (сначала по крайней мѣрѣ) предполагалось употребить на Констанцкомъ соборѣ.

3.

Констанцкій соборъ.—Отправленіе Гуса на соборъ и заточеніе его.—Заточеніе Іеронима Пражскаго.—Возстановленіе въ Чехіи причащенія подъ обоими видами.—Аудіенція Гуса и осужденіе его.

Въ мукахъ и страданіяхъ изживало средневѣковое общество свою религію плоти: трое папъ—Іоаннъ XXIII, Григорій XII и Бенедиктъ XIII были живымъ укоромъ католическому міру, распавшемуся на три абедіенціи; крайній матеріализмъ и вопіющій развратъ латинскаго духовенства смущалъ религіозный покой вѣрующихъ; а между тѣмъ, на окраинахъ католическаго міра, уже выступали сильные умы и предъявляли грозныя требованія: новыя мысли Джона Виклефа и истины Яна Гуса тревожили умъ и зароняли въ душу сѣмена иныхъ вѣрованій и иной жизни... Всѣ въ Европѣ требовали выхода изъ такого состоянія и вѣсть о созваніи собора была принята всюду съ восторгомъ. Стараніями короля Сигизмунда папа Іоаннъ XXIII, буллою отъ 9 декабря 1413 года созывалъ соборъ къ ноябрю слѣдующаго года въ имперскій городъ Констанцъ, въ Швабіи. Здѣсь должны были разрѣшиться всѣ религіозныя и церковныя сомнѣнія средневѣковаго человѣка; въ Констанцѣ долженъ быть произнесенъ судебскій приговоръ надъ ученіемъ Гуса и его сторонниковъ.

Гусъ жилъ еще въ замкѣ Краковѣ, когда пришелъ къ нему вызовъ на соборъ. Друзья Гуса не совѣтовали ему отправляться въ Констанцъ, гдѣ ожидала его вѣрная смерть; но Гусъ чувствовалъ себя нравственно обязаннымъ къ этому; убѣжденный въ истинѣ своихъ проповѣдей, онъ видѣлъ въ Констанцкомъ

соборѣ новое средство болѣе всесторонняго обсужденія и распространенія своего ученія. Когда архіепископъ Конрадъ созвалъ мѣстный соборъ въ Прагѣ, Гусъ также отправился туда и публичными объявленіями извѣстилъ, что онъ готовъ дать отчетъ въ вѣрѣ (какъ на общемъ, такъ и на мѣстномъ соборѣ) и согласенъ выслушать всѣ обвиненія съ условіемъ полного вознагражденія за нанесенную обиду (*proena talonis*).

На другой день (27 августа) прокураторъ Гуса—Янъ изъ Есеницы явился въ архіепископскій дворъ и просилъ позволенія присутствовать на мѣстномъ соборѣ, чтобы дать отчетъ въ своихъ вѣрованіяхъ; но ему было отказано въ этомъ на томъ основаніи, что и высокопочтенное собраніе занято разсмотрѣніемъ королевскаго порученія (*negotium regium*), не позволяющимъ присутствія постороннихъ свидѣтелей. Получивши формальный отказъ, прокураторъ Гуса принужденъ былъ удалиться, но протестовалъ противъ незаконнаго дѣйствія архіепископа ¹⁾.

Въ исходѣ августа, на собраніи свѣтскихъ и духовныхъ членовъ въ монастырѣ св. Якова, по просьбѣ Гуса, предложень былъ архіепископу Конраду вопросъ: «можетъ ли онъ обвинить Гуса въ ереси»?—Архіепископъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ за Гусомъ никакой ереси или заблужденія и не желаетъ обвинять его въ этомъ; но Гусъ долженъ оправдаться предъ папою, который считаетъ его еретикомъ. Подобный же вопросъ на подобномъ же собраніи предложень былъ по порученію Гуса Яномъ изъ Есеницы верховному инквизитору Чехіи—Николаю, епископу Назаретскому, и этотъ также далъ формальное удостовѣреніе въ томъ, что находитъ Гуса «во всѣхъ его рѣчахъ, дѣяніяхъ и поступкахъ добрымъ католикомъ, никогда не высказывавшимъ ничего дурнаго, подозрительнаго или ложнаго» (*in omnibus suis dictis, actibus et gestibus ipsum virum fidelem et catholicum esse proba-*

¹⁾ Höfler. Geschichtschreiber th, 1. s. 162.

vimus).—Вѣроятно оба прелата (говорить Гефеле) находились подѣ влияніемъ короля Вячеслава, который употреблялъ всѣ старанія, чтобы очистить Чеховъ отъ подозрѣнія въ ереси, но это тѣмъ менѣе ему удавалось, чѣмъ болѣе Іеронимъ Пражскій въ это же время проповѣдывалъ и распространялъ ученіе своего друга по разнымъ странамъ за предѣлами Чехіи ¹⁾).

Сдѣлавши необходимыя приготовленія къ отправленію на соборъ, Гусъ 1-го сентября 1414 года написалъ письмо къ Сигизмунду, въ которомъ благодарить его за благосклонное вниманіе и просить его объ одномъ—дозволить ему на общемъ соборѣ публично исповѣдать свою вѣру: «такъ какъ я ничему не училъ въ тайнѣ, то я желаю быть выслушаннымъ и разслѣдованнымъ не секретно, но въ публичномъ засѣданіи собора и отвѣчать всѣмъ, какъ то повелѣлъ св. Духъ, всѣмъ, кто только пожелаетъ узнать истину; не страшусь исповѣдывать Господа Іисуса Христа и готовъ, если потребуется, пострадать смертію за Его истинныя заповѣди ²⁾).

Теперь Гусъ возвратился назадъ въ Краковецъ и узналъ; что враги его уже составили противъ него обвинительный актъ и позаботились подкрѣпить его показаніями многочисленныхъ свидѣтелей. Уже сдѣланы были со стороны ихъ необходимыя приготовленія и отправлены уполномоченные въ Констанцъ. Такими уполномоченными были личные враги Гуса: епископъ Іоаннъ Желѣзный изъ Лютомышля, Стефанъ Налечъ и три другихъ докторовъ богословія. Но не смотря на всѣ козни враговъ, Гусъ не унывалъ. Въ прощальномъ письмѣ своемъ къ жителямъ Праги онъ говоритъ, что хотя отправляется безъ охранной грамоты въ среду своихъ враговъ, когорыхъ число превзойдетъ число лже-

¹⁾ Hefele, Conciliengeschichte VII s. 61. .

²⁾ Письмо это еще не издано, но важнѣйшіе отрывки его напечатаны у Палацкаго Gesch. von Böhm. III, 312.

свидѣтельствовавшихъ на Іисуса, и между ними его собственные соотечественники; однако онъ уповаѣтъ на Всемогущаго Бога и поручаѣтъ себя молитвамъ своихъ друзей, дабы Богъ далъ силу духа, если необходимо, безстрашно встрѣтить смерть, если же нужно возвратиться, то да сподобитъ онъ возвратиться съ честію, не осквернившись неправдой, не преступивши іоты евангельской ¹⁾.

Путешествіе Гуса въ Констанць было рядомъ торжествъ. Во всѣхъ городахъ народъ выходилъ къ нему на встрѣчу, желая видѣть его лицо и слышать его рѣчь; во всѣхъ городахъ Гусъ вызывалъ желающихъ состязаться съ нимъ, вызывалъ публично особыми объявленіями. Нигдѣ не обращали вниманія на папскій интердиктъ; не только простой народъ, но даже духовенство дружелюбно принимало его и многіе, знаменательно, прислушивались къ Евангельской проповѣди Гуса на цѣмцкомъ языкѣ. По свидѣтельству Кохлея, Гусъ вездѣ во время своего путешествія проповѣдывалъ народу, что современное духовенство должно возвратиться къ Евангельской нищетѣ апостоловъ ²⁾. 2-го ноября, послѣ праздника всѣхъ святыхъ, Гусъ прибылъ съ своими спутниками въ Констанць. Открытіе Констанцкаго собора совершилось къ 5-му ноября; думаютъ, что это открытіе отсрочивалось до прибытія Гуса, дѣло котораго должно было прежде всего быть разсмотрѣннымъ на соборѣ. Вскорѣ по прибытіи Гуса въ Констанць, явились туда и противники его, изъ которыхъ прославились на соборѣ преимущественно три человѣка: Палечъ, Андрей изъ Брода и Михаилъ de causis. Послѣдній на другой день по пріѣздѣ Гуса сталъ ѣтъкрыто преслѣдовать его и въ церкви большими буквами прибилъ объявленіе, въ которомъ называлъ его отлученнымъ, укорялъ еретикомъ и сталъ разглашать объ немъ

¹⁾ Höfler, Geschichtschreiber d. Hussitischen Beweg. th 1 s. 122.

²⁾ Palazky, III, 316.

разныя небылицы. Вскорѣ съ нимъ соединился и Палечъ для того, чтобы формулировать обвинительныя статьи противъ Гуса и довести ихъ до свѣденія кардиналовъ. Оба они неутомимо преслѣдовали свою цѣль, и такъ какъ удобно могли всюду проникать, то имъ легко удалось вооружить преждевременно большинство членовъ собора противъ опаснаго нововводителя. Они распустили слухъ, что Гусъ, употребляя во зло предоставленную ему папою свободу, является въ городѣ среди многочисленныхъ народныхъ собраній, распространяя ученіе Виклефа, служилъ обѣдню каждый день у себя въ дому и наконецъ къ великому соблазну вѣрующихъ сталъ говорить всенародно проповѣди. Эти происки враговъ Гуса имѣли свое послѣдствіе: 28 ноября совершенно неожиданно наѣхали къ Гусу послы отъ собора и потребовали его немедленно явиться къ папѣ и кардиналамъ для представленія отчета въ вѣрѣ. Хотя Гусъ и заявилъ, что въ настоящемъ случаѣ не вполне справедливо поступаютъ съ нимъ, требуя его къ частному допросу и не назначая публичной аудіенціи, однако выразилъ свою готовность и частнымъ образомъ защищать свое правовѣріе.

Когда Гусъ явился на частное засѣданіе кардиналовъ, председатель обратился къ нему съ такими словами: «со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы, что ты по всей Чехіи распространяешь великія ереси, и мы призвали, чтобы судить тебя изъ собственныхъ устъ». Гусъ отвѣчалъ, что онъ пуще смерти боится ереси и готовъ, если будетъ доказано, что онъ заблуждается, принять наставленіе отъ отцовъ собора и покаяться. Отвѣтъ этотъ былъ одобренъ кардиналами, и они удалились, оставивъ Гуса вмѣстѣ съ его охранителемъ—рыцаремъ Хлумомъ. Потомъ явился французскій монахъ, магистръ Дидакъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ богослововъ Ломбардіи, съ цѣлію узнать—насколько правильно ученіе Гуса о таинствѣ причащенія. Монахъ притворился чело-
вѣкомъ простымъ, употребляя при допросѣ разные искусственныя

пріемы, но не получилъ отъ Гуса никакого отвѣта, могущаго его скомпрометировать. — Въ четыре часа по полудни кардиналы снова собрались во дворцѣ папы, въ присутствіи друзей и враговъ Гуса. Къ первымъ принадлежали именно — магистръ кардиналъ изъ Рейхштейна и Петръ изъ Младеновичъ, къ послѣднимъ — Стефанъ Палечъ и монахъ Петръ. Враги Гуса опять привели противъ него обвиненіе въ ереси и не могли удержаться отъ радостнаго восторга, предвидя предстоящую развязку. Не окончилось еще засѣданіе, какъ уже сдѣлано было распоряженіе о заключеніи Гуса въ темницу. Когда папскій гофмейстеръ объявилъ объ этомъ Хлуму, онъ поспѣшилъ къ папѣ и сильно протестовалъ противъ несправедливаго ареста. Но Іоаннъ XXIII долженъ былъ сознаться, что виноватъ въ этомъ не онъ, а кардиналы, которые принудили его къ заточенію чешскаго проповѣдника. Теперь Гусъ взятъ былъ подъ стражу и отведенъ въ доминиканскій монастырь, гдѣ спустя восемь дней (6 декабря 1414 года) его заточили въ холодную сырую темницу подлѣ отхожихъ монастырскихъ мѣсть. Объ этомъ событіи рассказываетъ Петръ изъ Младеновичъ ¹⁾.

Заточеніе Гуса было прямымъ нарушеніемъ охранной грамоты, данной Сигизмундомъ, и поэтому оскорбленіемъ императорскаго достоинства. Сигизмундъ, извѣщенный объ арестованіи Гуса, видѣлъ въ этомъ личное оскорбленіе и потому приказалъ освободить его, и, если нужно, разломать двери темницы. Но вскорѣ по прибытіи въ Констанцъ уступилъ настояніямъ членовъ собора и 29 декабря въ общемъ собраніи оправдалъ мѣру, принятую соборомъ противъ Гуса, требуя однако, чтобы Гусъ былъ выслушанъ на публичномъ засѣданіи.

Во все время пребыванія Гуса въ темницѣ доминиканскаго монастыря велись частные допросы особыми комиссарами, назначенными отъ собора. Объ этихъ частныхъ допросахъ ничего не

¹⁾ Hoffer, Geschichtschreiber d. Hussitischen Bewegung. B. I. s. 138—140.

говорится въ соборныхъ актахъ и, по справедливому замѣчанію Новикова, они относятся къ темной сторонѣ римской инквизиціи ¹⁾. Допросы производились не смотря на сильную болѣзнь Гуса. Соборъ не могъ дозволить ему даже имѣть адвоката на томъ основаніи, что церковное право запрещаетъ обвиняемымъ въ ереси имѣть защитниковъ ²⁾.

Насильственное, обманчивое заточеніе Гуса вызвало въ Чехіи общее негодованіе; протестъ за протестомъ, одинъ сильнѣе другаго, ясно указывалъ отношеніе Чеховъ къ Гусу. Первый протестъ Чеховъ заявленъ былъ уже 8-го декабря. 1414 г. Чехи, обращаясь къ императору, на котораго послѣ Бога они болѣе всего надѣются, просятъ его вывести Гуса изъ темницы на публичное засѣданіе собора, дозволить ему свободно говорить и защищать истину, прекращая разомъ всѣ ложныя обвиненія, наносящія безславіе Чешскому народу. Спустя два мѣсяца, въ началѣ февраля 1415 г., прибылъ въ Констанць второй протестъ, въ которомъ князья и вельможи, богатые и бѣдные удивляются дерзости папы, заточившаго безъ причины человѣка невиннаго и праведнаго, который поѣхалъ на Констанцкій соборъ, чтобы оправдаться въ клеветѣ, возведенной на него и на весь Чешскій народъ. Вельможи Чехіи и Моравіи не отдѣляютъ Гуса отъ народа и въ двухъ официальныхъ актахъ признаютъ интересъ Гуса вполне солидарнымъ съ интересами Чешскаго народа!

Сигизмундъ не обращалъ вниманія на эти протесты и даже дозволилъ Констанцкому епископу ухудшить положеніе знаменитаго плѣнника. Изъ доминиканскаго монастыря его перевели въ замокъ Готлибень, лежащій неподалеку отъ Констанца, на берегу Боденскаго озера, и заключили его въ высокую одинокую башню. Здѣсь томился Гусъ, закованный въ кандалахъ, изнуренный

¹⁾ «Гусъ и Лютеръ» Новикова ч. 1. стр. 103.

²⁾ Palazky, Gesch. von Böhmen. III. 1. 331.

голодомъ, лишенный Св. причастія. Единственное утѣшеніе Гуса въ темницѣ составляло то, что онъ могъ переписываться, а иногда и видѣться съ своими чешскими соотечественниками. Въ числѣ посѣтителей, навѣщавшихъ Гуса, былъ, между прочимъ, Христіанъ Прахатицъ. Гусъ принялъ его со слезами на глазахъ, какъ своего стараго друга и благодѣтеля, но, представляя себѣ ту опасность, которой могли подвергнуться подобныя посѣтители, Гусъ просилъ, чтобы лучше онъ не навѣщалъ его. Особенно же просилъ М. Есеница и Іеронима, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не являлись въ Констанцъ.

Но Іеронимъ Пражскій, одаренный живымъ темпераментомъ, не могъ соблюдать предосторожности. Лишь только онъ узналъ объ отправленіи Гуса въ Констанцъ, тотъ-часъ же рѣшился послѣдовать за своимъ другомъ, не смотря на всѣ увѣщанія своихъ тозарищей. 4 Апрѣля 1415 г. онъ прибылъ въ Констанцъ. Здѣсь онъ не былъ никѣмъ узнавъ, кромѣ Яна Хлума, который своими увѣщаніями побудилъ его скоро снова удалиться изъ Констанца въ городъ Юберлинъ. Оттуда Іеронимъ письменно просилъ короля Сигизмунда и соборъ прислать ему охранную грамоту для того, чтобы онъ могъ свободно защитить себя отъ всѣхъ обвиненій. Король прямо отказался удовлетворить просьбѣ Іеронима, но соборъ соглашался дать охранную грамоту только для прибытія въ Констанцъ, но не для возвращенія въ отечество. Такъ какъ подобная грамота не могла удовлетворить Іеронима, то онъ прислалъ новое объявленіе въ Констанцъ, написанное по чешски, нѣмецки и латыни, которое было вывѣшено на дверяхъ церкви и имѣло слѣдующее содержаніе: «Я, Іеронимъ Пражскій, магистръ искусствъ славныхъ академій—парижской, гейдельбергской и пражской симъ объявленіемъ извѣщаю всѣхъ, что я прибылъ въ Констанцъ по своей волѣ, а не по принужденію, для того, чтобы оправдать себя отъ обвиненій враговъ моихъ, ноносящихъ наше славнѣйшее и знаменитѣйшее ко-

ролевство Чешское, защищать наше истинное и православное учение и доказать свою невинность, но не тайно, а публично предъ всѣмъ соборомъ. Если есть люди, желающіе обвинить меня въ какомъ нибудь преступленіи или ереси, то я готовъ доказать свою невинность и согласенъ подвергнуться какому бы то ни было наказанію, но только въ такомъ случаѣ, если убѣдятъ меня въ неправовѣріи. Чтобы исполнить намѣреніе столь честное и необходимое, я во имя самого Бога умоляю его королевское величество и соборъ обезпечить меня охранною грамотою для прибытія въ Констанць и обратнаго возвращенія. Если, не смотря на то, что я добровольно выражаю готовность дать отчетъ въ вѣрѣ, меня посадятъ въ темницу, или подвергнуть какимъ нибудь насиліямъ, то соборъ подобнымъ поступкомъ предъ всѣмъ міромъ покажетъ свою несправедливость, чего, однако, я не ожидаю отъ собора, состоящаго изъ столь знаменитыхъ и просвѣщенныхъ людей» ¹⁾.

Соборъ 17 апрѣля 1415 года прислалъ Іерониму охранную грамоту, въ которой прямо предписывалось ему не позже четырнадцати дней явиться въ Констанць для оправданія. «Тебѣ», говорилось въ этомъ документѣ, (который имѣлъ форму болѣе повѣстки или вызова, чѣмъ охранной грамоты) «будетъ оказана во всемъ полная справедливость; мы предоставляемъ тебѣ вѣрное огражденіе отъ всякаго насилія, сообразно съ требованіями справедливости, *какъ намъ угодно и какъ необходимо въ интересахъ католической вѣры*». Эта грамота предоставляла слишкомъ двусмысленную и недостаточную гарантію, и неудивительно, если Іеронимъ, не желая подвергать себя явной опасности, не рѣшился отправиться въ Констанць. Онъ предпочелъ пока оставаться на свободѣ и ожидать рѣшенія участи Гуса. Нѣсколько

. 1) Histoire universelle de l'Eglise Catholique par l'Abbate Rorrbacher XXI, pag. 197.

дней спустя по полученіи грамоты Іеронимъ отправился обратно въ свое отечество, но на дорогѣ былъ узнанъ и препровожденъ въ кандалахъ пфальцграфомъ Людвигомъ на Констанцкій соборъ. Въ Констанцѣ ему не дозволили даже видѣться съ другомъ—Гусомъ и заточили (23 мая 1415 г.) также въ темницу.

Не смотря на заточеніе Гуса и Іеронима религіозное движеніе въ Чехіи не только не ослабло, но еще усиливалось особенно съ одновременнымъ возбужденіемъ вопроса о причащеніи подъ обоими видами ¹⁾. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ по заточеніи

¹⁾ О введеніи въ Чехіи причащенія подъ обоими видами сохранилось два свидѣтельства—Энея Сильвія и Лаврентія Брезова, принадлежащаго къ партіи чашниковъ. Первый говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Не давно вкралось заблужденіе о таинствѣ пресуществленія, но новую заразу распространилъ Петръ Дрезденскій, который прежде вмѣстѣ съ другими нѣмцами оставилъ Богемію. Изгнанный изъ отечества за то, что былъ зараженъ проказою Вальденса, онъ снова возвратился въ Прагу, какъ убѣжище еретиковъ, и сталъ заниматься воспитаніемъ юношества. Въ то время назначено было проповѣдывать народу въ церкви св. Михаила Якубку Мщенскому, прославившемуся потомъ письменными сочиненіями и строгимъ нравственнымъ образомъ жизни. Познакомившись съ нимъ, Петръ выразилъ удивленіе, что этотъ ученый и праведный мужъ, который обнаружилъ предъ народомъ божественное краснорѣчіе, не могъ доселѣ обратить вниманіе на заблужденіе касательно таинства евхаристіи, которое уже давно было осуждено церковію; такъ какъ онъ причащалъ народъ только подъ однимъ видомъ тѣла Господня, между тѣмъ какъ у возлюбленнѣйшаго ученика Христова и евангелиста Іоанна Богослова заповѣдуется словами Спасителя причащаться подъ обоими видами: аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пиете крови Его, живота не имате въ себѣ. Возбужденный этими словами Якубекъ, послѣ внимательнаго изслѣдованія древнѣйшихъ отеческихъ твореній и особенно—Діонисія и Кипріана, сталъ пріобщать народъ и изъ чаши. Когда же ему воспрещено было проповѣдывать въ часовнѣ Архангела Михаила, онъ съ кафедры во храмъ св. Мартина

Гуса магистромъ Якубомъ изъ Стрибра. Въ концѣ 1414 г. Якубекъ на публичномъ университетскомъ диспутѣ защищалъ положенію, что «не только мірянамъ, но и младенцамъ слѣдуетъ причащаться таинству евхаристіи подъ обоими видами». На диспутѣ Якубекъ восторжествовалъ надъ своими противниками и вслѣдствіе этого приобрѣлъ себѣ много послѣдователей. Онъ скоро на практикѣ сталъ осуществлять новое ученіе и причащалъ мірянъ таинства евхаристіи подъ видомъ тѣла и крови Христовой сначала въ церкви св. Мартина, потомъ въ церкви св. Адаль-

публично началъ увѣщевать народъ, чтобы они впредь ни подъ какими условіями не пренебрегали причащеніемъ изъ чаши, безъ чего никто не можетъ достигнуть спасенія. Это, замѣчаетъ Сильвій, принято было всеми еретиками, которые были вынуждены отъ удовольствія по случаю того, что открыли новый членъ вѣры, основанный на ученіи Новаго завѣта, по которому Римскій престолъ могъ быть уличенъ въ небрежности или распущенности (*negligentia*). Хотя объ этомъ нововведеніи съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ король, однако, испорченный праздностію и бездѣйствіемъ, безнаказанно дозволялъ еретикамъ совершать вакханалію (*debaucherie*)».

Лаврентій Брезина говоритъ о томъ же предметѣ слѣдующее: съ 1414 г. божественное таинство евхаристіи началось преподаваться вѣрующимъ подъ обоими видами т. е. подъ видомъ хлѣба и вина достопочтеннымъ мужемъ магистромъ Якубомъ, а также и другими священниками въ знаменитомъ городѣ Прагѣ; притомъ сначала въ церкви св. Адаальберта, а потомъ въ церкви св. Мартина, св. Михаила и Вишесемской часовнѣ.... Чѣмъ болѣе этотъ св. обрядъ причащенія подъ обоими видами подвергался гоненіямъ и преслѣдованіямъ чешскаго короля Венцеслава, особенно Конрада, архіепископа Пражскаго и другихъ прелатовъ, трудящихся на поприщѣ убійства, тѣмъ сильнѣе возрастала и усиливалась въ народѣ привязанность къ нему, такъ что чрезъ два года послѣ этого не только въ двухъ или трехъ церквахъ послѣдователи Гуса, названные своими противниками Вилефистами, имѣли свободу проповѣдывать и приобщать народъ, но почти во всѣхъ приходскихъ пражскихъ церквахъ, даже

берта на новомъ городѣ. Пражскій архіепископскій генераль-викарій быстро принялъ мѣры противъ этого «нововведенія» — самаго пагубнаго для католической церкви, но всѣ старанія уничтожить причащеніе подѣ обоими видами были безуспѣшны. Вызванный на допросъ Якубекъ больше заботился о томъ, чтобы доказать значеніе догмата причащенія подѣ обоими видами, нежели о томъ, чтобы смиренно повиноваться его приказаніямъ. Генераль-викарій думалъ, что церковное проклятiе по крайней мѣрѣ заставитъ смириться нововводителя, но при настоящемъ настроеніи умовъ въ Чехіи грозное «анаѳема» возбудило только смѣхъ ¹⁾. Съ возбужденіемъ вопроса о причащеніи подѣ обоими видами религіозное движеніе въ Чехіи получаетъ новую форму и новую силу. До сихъ поръ гусситство отличалось, по видимому,

извѣстныхъ монастыряхъ... Такимъ образомъ не только въ Прагѣ, но даже въ другихъ городахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ королевства Чехіи и маркгр. Моравіи народъ толпами съ великимъ благоговѣніемъ и почтеніемъ причащался святѣйшаго таинства евхаристіи подѣ обоими видами... Не только тѣ, которые были въ сознательномъ возрастѣ, но даже младенцы послѣ крещенія съ теченіемъ времени причащались таинству. Вслѣдствіе этого причащенія младенцевъ между магистрами и священниками, принадлежащими къ православной церкви и магистру Гусу въ Прагѣ и королевствѣ Богеміи, возникло важное раздѣленіе (schisma grave). Ибо нѣкоторые изъ нихъ причащеніе дѣтей считали излишнимъ, другіе напротивъ на основаніи словъ Діонисія и другихъ св. отцовъ церкви одобряли это мнѣніе и самое причащеніе подѣ обоими видами считали православнымъ и спасительнымъ. Тѣмъ не менѣе упомянутое причащеніе таинства тѣла и крови Христовой подѣ обоими видами какъ взрослыхъ такъ и дѣтей, не смотря на всѣ усилія нашихъ противниковъ-магометанъ и не доброжелателей уничтожить его какимъ нибудь образомъ, день ото дня болѣе и болѣе распространялось и наконецъ вездѣ водворилось. Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte II. B. 4. Abth. s. 421 примѣчаніе.

¹⁾ Palazky, Geschichte von Böhmen III, 1. 339.

болѣе реформаторскимъ характеромъ: оно выражало протесты противъ папства и стремилось къ нравственному преобразованію. Теперь, съ восстановленіемъ обряда причащенія подъ обоими видами, оно видимо принимаетъ православный характеръ и еще рѣзче отдѣляется отъ господствующей латинской церкви. Чаша дѣлается съ этого времени вѣшнимъ символомъ, рѣзко отличающимъ гусситовъ отъ католиковъ. Однако это нововведеніе не всеми гусситами было принято съ одинаковымъ сочувствіемъ. По вопросу о чашѣ возникло среди гусситовъ даже нѣкоторое разногласіе, которое побудило ихъ за разрѣшеніемъ недоумѣнія обратиться къ авторитетному учителю-Гусу. Въ его темницу чрезъ Яна Хлума послано было 31 мая 1415 г. письмо слѣдующаго содержанія: «Покорно просимъ объявить намъ окончательно твое мнѣніе о причащеніи мірянъ крови Христовой и приложить его къ письму, чтобы при случаѣ показать его друзьямъ; это необходимо, потому что между братьями произошло раздѣленіе и поэтому многіе соблазняются—ссылаются на твои сочиненія и требуютъ твоего послѣдняго слова». Гусъ отвѣтилъ на это письмо: «О таинствѣ причащенія отъ чаши есть у васъ мое сочиненіе, писанное въ Констанцѣ; тамъ приведены доказательства. Чего еще требуете? Непреложны слова Евангелія и посланія апостола Павла; яснѣе солнца обычай церкви первоначальной. Если возможно, постарайтесь, чтобы особою буллою было дозволено причащаться подъ обоими видами» ¹⁾. Этихъ словъ Гуса достаточно было, чтобы уничтожить разногласіе между его приверженцами и восстановить древній православный обрядъ причащенія подъ обоими видами.

Враги Гуса воспользовались этимъ участіемъ его въ восстановленіи въ Чехіи причащенія подъ обоими видами и выста-

¹⁾ Historia et monumenta Joh. Hus. atque Hieronimi Pragensis 1, p. 52. Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte. Ч. 4—2. 414 примѣч.

вили это противъ него какъ главное доказательство его неправовѣрія. Въ обвинительномъ актѣ, представленномъ папѣ Михаиломъ de causis, сказано было: «первое заблужденіе Гуса касается таинства евхаристіи. Онъ проповѣдывалъ народу о необходимости преподаванія и принятія онаго подъ обоими видами. Это явствуетъ изъ того, что ученики его въ Прагѣ уже приводятъ въ ходъ этотъ догматъ учителя... Епископъ Лютомышльскій Іоаннъ Желѣзный особенно настаивалъ на Констанцкомъ соборѣ, чтобы приняты были дѣятельныя мѣры для уничтоженія въ Чехіи «нововведенія, пагубнаго для католической вѣры». По его настоянію соборъ вскорѣ составилъ особенную комиссію, которая должна была заняться опроверженіемъ ученія о причащеніи подъ обоими видами.

Въ тоже время частные допросы Гуса въ темницѣ приближались къ концу. Констанцкій соборъ, покончивши съ папою Іоанномъ XXIII и осудивши ересь Виглефа, рѣшилъ назначить публичную аудіенцію Гусу: 31 марта 1415 г. патріархъ Англіійскій отъ лица собора заявилъ, что Гусъ приведется къ допросу 5 іюня, и ему дадутъ позволеніе говорить съ полною свободою.

Въ назначенный день въ францисканскомъ монастырѣ собрались кардиналы, архіепископы, прелаты, доктора и магистры для слушанія Гуса. Еще до его появленія члены собора благоразсудили рассмотреть обвинительные акты и произнести надъ обвиняемымъ безъ суда свой приговоръ. Это было замѣчено однимъ изъ соотечественниковъ Гуса, и по донесенію король воспретилъ отцамъ собора рѣшать дѣло Гуса во время его отсутствія. Когда Гусъ приведенъ былъ на соборъ, ему представили его сочиненія съ вопросомъ: признаетъ ли онъ ихъ своими?— Гусъ отвѣчалъ утвердительно и выразилъ готовность принять отъ собора наставленія касательно заблужденій, если таковыя окажутся въ его сочиненіяхъ. При этомъ онъ просилъ отцовъ собора убѣдить его въ неправовѣріи на основаніи свящ. Писанія

и отцовъ церкви. Такой отвѣтъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Когда Гусъ потомъ попросилъ дозволенія изложить свое исповѣданіе вѣры въ полной связи, то ему было отказано и въ этомъ. Отъ него потребовали краткихъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, но едва онъ сталъ отвѣчать на первый вопросъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздались вопли и крики, заглушавшіе его слова. Гуса уличали въ софистикъ и требовали отвѣчать на вопросы словами: «да» или «нѣтъ». Гусъ согласился и на это, но между прочимъ позволилъ себѣ замѣтить, что на св. соборѣ онъ надѣялся все-таки найти большій порядокъ и спокойствіе. Онъ успѣлъ отвѣтить только на два пункта, но больше не могъ говорить, потому что присутствующіе продолжали кричать и допускали разные другія безчинства. Самъ предсѣдатель припужденъ былъ отложить дѣло до другаго засѣданія ¹⁾).

На второй аудіенціи (7 іюня 1415 г.) присутствовалъ самъ король, а потому на ней особенныхъ безпорядковъ не происходило, такъ какъ со стороны короля заявлено было, что всякій, нарушающій порядокъ, будетъ немедленно удаленъ изъ собранія. Прежде всего Гуса обвиняли въ томъ, будто онъ училъ, что «посвященіи хлѣба и произнесеніи таинственныхъ словъ на трапезѣ Господней остается вещественный хлѣбъ». Гусъ отвѣчалъ, что онъ никогда не училъ этому; хотя и называлъ животворящія тайны Христовы хлѣбомъ, согласно съ словами самого Іисуса Христа (Іоан. гл. 7), но никогда не разумѣлъ подъ этимъ названіемъ хлѣба вещественнаго. Кардиналъ Камбрейскій, какъ номиналистъ, хотѣлъ обвинить Гуса въ заблужденіи (касательно этого пункта) какъ реалиста философскимъ силлогизмомъ, но Гусъ отвѣтилъ съ достоинствомъ, что пресуществленіе есть чудо, ко-

¹⁾ Palazky, Geschichte von Böhmen t. III, 1. 347.

торое не может быть подведено подъ законы естественные и есть предметъ вѣры, а не разума.

По второй статьѣ Гусъ обвинялся въ томъ, что проповѣдывалъ и упорно защищалъ ложныя положенія Викафеа. Онъ отвѣтилъ, что не имѣлъ основанія упорно защищать положеній Викафеа, и проповѣдывалъ ли самъ Викафеъ заблужденія въ Англіи, это — вопросъ мѣстный, на который могутъ отвѣчать его соотечественники. Впрочемъ Гусъ сознался, что изъ осужденныхъ положеній Викафеа онъ признаетъ справедливыми слѣдующія три: 1) что папа Сильвестръ и царь Константинъ поступили неправильно, утверждая за церковію свѣтскую власть; 2) что папа и священникъ, обрѣтаясь вѣсмертному грѣху, не могутъ достойно совершать таинства; 3) что десятины суть чистая милостыня.

По третьей статьѣ Гусъ обвинялся въ томъ, будто онъ выразилъ однажды желаніе «быть тамъ, гдѣ находится душа Викафеа»; — Гусъ отвѣчалъ, что онъ много находилъ справедливаго въ сочиненіяхъ Викафеа, много также слышалъ о его безукоризненной жизни, а потому и выразилъ подобное желаніе; при этихъ словахъ всѣ присутствующіе захохотали.

Четвертый обвинительный пунктъ (будто обвиняемый и его приверженцы защищали заблужденія Викафеа) Гусъ призналъ несправедливымъ и при этомъ замѣтилъ, что ему неизвѣстно, что бы «чехи распространяли и защищали ереси». — Въ дальнѣйшемъ своемъ оправданіи Гусъ изложилъ съ большими подробностями исторію сожженія книгъ Викафеа. Гусъ показалъ, что по первому требованію Пражскаго архіепископа онъ отдалъ сочиненія Викафеа, но послѣдній даже противъ воли папы предалъ книги сожженію. На такую несправедливость архіепископа онъ жаловался сначала папѣ Александру V, а потомъ Іоанну XXIII, но такъ какъ на эту жалобу не было обращено вниманія, то онъ апеллировалъ къ Іисусу Христу.

По пятому пункту Гуса обвиняли въ томъ, что онъ увѣщевалъ народъ, по примѣру Мойсея, силою оружія смирять противниковъ. Обвиняемый отвѣтилъ, что дѣйствительно, въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ увѣщевалъ слушателей вооружиться мечемъ духовнымъ для защиты евангельской истины, но предвидя, что слова его могутъ быть неправильно поняты, или перетолкованы, нарочно прибавилъ. «говорю не о вещественномъ оружіи, о мечѣ духовномъ, иже есть глаголь Божій».

Такимъ же образомъ Гусъ оправдался по двумъ послѣднимъ обвинительнымъ пунктамъ, будто 6) онъ посѣялъ вражду между свѣтскимъ и духовнымъ сословіями и подвергъ католическое духовенство несправедливымъ гоненіямъ и похищенію собственности и 7) будто способствовалъ распаденію университета.

По словамъ Гуса, разъединеніе сословій въ Чехіи произошло отъ того, что чешское духовенство съ архіепископомъ Пражскимъ во главѣ продолжало признавать папою Григорія XII даже не смотря на то, что король и свѣтское сословіе стали въ нейтральное отношеніе къ обоимъ папамъ—совмѣстникамъ (Григорію и Бенедикту XIII). Похищеніе собственности у непокорныхъ священниковъ произошло по волѣ короля Вячеслава и только послѣ того, какъ духовенство, продолжая упорно противиться волѣ короля, самовольно оставило городъ, отказалось совершать богослуженіе, а Збинекъ ограбилъ ряку св. Вячеслава и сжегъ книги Виклефа. Удаленіе нѣмцевъ произошло по ихъ собственной винѣ: они произвольно отказались повиноваться волѣ короля, который согласно съ завѣщаніемъ основателя Пражскаго университета, утвердилъ за чехами право большинства голосовъ въ университетскихъ дѣлахъ. Гусъ съ клятвою увѣрялъ отцовъ собора, что во всемъ этомъ онъ не былъ виновенъ и долженъ былъ только подчиняться волѣ своего законнаго государя.

Предъ закрытіемъ засѣданія король Сигизмундъ увѣщевалъ Гуса смиренно подчиниться рѣшенію собора, касатѣльно вѣсѣхъ

обвиненій, которыхъ истина несомнѣнно доказана, и только подъ этимъ условіемъ обѣщали отпустить его въ Чехію. Въ противномъ случаѣ Сигизмундъ самъ грозилъ предать Гуса огненной казни, какъ не раскаивнаго еретика. На увѣщаніе короля Гусъ отвѣтилъ, что онъ никогда не рѣшится отстаивать ересь и всегда готовъ измѣнить свои убѣжденія, если его кто нибудь наставитъ лучшему ¹⁾.

Третье и послѣднее засѣданіе по дѣлу Гуса было вслѣдъ за вторымъ (8 іюня въ пятницу). Судя по тѣмъ вопросамъ, которые обсуждались на немъ, оно должно быть признано самымъ важнымъ и рѣшительнымъ по влиянію на судьбу Гуса, такъ какъ на немъ выступили обвиненія, болѣе предъидущихъ раздражавшія судей его, обвиненія, извлеченныя отчасти изъ трактата его «о церкви», а отчасти изъ полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ Палеча и Станислава изъ Знойма.

Статьи, извлеченныя изъ трактата «о церкви» были слѣдующія: 1) единая святая вселенская церковь есть совокупность всѣхъ предопредѣленныхъ (*universitas praedestinatorum*); 2) Павелъ никогда не былъ членомъ діавола, хотя онъ совершалъ нѣкоторые проступки, подобно другимъ грѣшникамъ; 3) предопредѣленные члены церкви никогда не отдѣляются отъ тѣла церкви, потому что предвѣчная любовь Божія, предопредѣляющая ихъ, никогда не изсякаетъ; 4) предопредѣленный, хотя не находится въ состояніи благодати, считается однако членомъ церкви; 5) никакое внѣшнее положеніе, никакое человѣческое избраніе, никакой внѣшній знакъ не дѣлаютъ человѣка членомъ св. католической церкви; 6) предосужденный не можетъ быть членомъ церкви; 7) Іуда не былъ истиннымъ ученикомъ Христа; 8) общество предопредѣленныхъ (находится ли оно въ состояніи благодати, или нѣтъ) со-

¹⁾ Hefele, Conciliengeschichte B. VII, s. 152—157.

ставляет св. католическую церковь; 9) Петръ не можетъ называться главою католической церкви; 10) если такъ называемый намѣстникъ Иисуса Христа подражаетъ примѣру Его въ своей жизни, то онъ есть истинный намѣстникъ; если же совращается съ пути истины, то онъ — посланникъ антихриста и слуга Іуды Искаріотскаго; 11) всѣ симонисты и порочные священники не истинно вѣруютъ въ св. таинства и постановленія церкви; 12) папская власть ведетъ свое начало отъ императоровъ римскихъ; 13) безъ особеннаго откровенія никто по праву не можетъ назвать себя, или кого *нибудь* другаго главою церкви; 14) нельзя допустить, чтобы когда нибудь папа былъ главою церкви, если онъ не предопредѣленъ; 15) власть папы, какъ намѣстника Иисуса Христа, не существуетъ, если жизнь его не сообразна съ ученіемъ Христовымъ; 16) папа можетъ быть названъ святѣйшимъ не потому, что онъ намѣстникъ апостола Петра, а потому, что онъ поступаетъ по примѣру Христа; 17) кардиналы не суть истинные преемники апостоловъ, если не живутъ подобно апостоламъ; 18) еретиковъ не слѣдуетъ подвергать огненной казни; 19) свѣтскія власти должны побуждать духовенство къ соблюденію заповѣдей Христовыхъ; 20) повиновеніе церкви (*obedientia ecclesiastica*) установлено духовенствомъ и не основано на ученіи священнаго Писанія (здѣсь Гусъ сдѣлалъ оговорку, что подъ *ecclesiastica obedientia* онъ разумѣетъ только повиновеніе такимъ предписаніямъ духовенства, которыя противорѣчатъ закону Божію и ведутъ къ соблазну вѣрующихъ); 21) отъ несправедливаго папы позволено переносить судъ ко Христу; 22) человекъ благочестивый во всемъ, что ни дѣлаетъ, угождаетъ Богу; человекъ порочный во всемъ, что ни дѣлаетъ, навлекаетъ на себя осужденіе; 23) священникъ, ревнующій о спасеніи души, не обязанъ прекращать проповѣди даже несмотря на запрещеніе папское; 24) священникъ долженъ проповѣдывать, не обращая вниманія на незаконныя отлученія; 25) церковныя отлученія и проклятія не-

согласны съ ученіемъ Христа и провозглашаются духовенствомъ большею частію для собственной пользы и вреда народа; 26) налагать интердиктъ на народъ также несогласно съ ученіемъ и примѣромъ Іисуса Христа ¹⁾).

Слѣдующія обвинительныя статьи извлечены были изъ сочиненія Гуса противъ Палеча: 1) если папа, или епископъ, или прелатъ находится въ смертномъ грѣхѣ, то они теряютъ свой санъ предъ Богомъ; 2) благодать предопредѣленія соединяетъ тѣло церкви и членовъ ея съ невидимымъ Главою неразрывно; 3) если папа человѣкъ безнравственный, или предосужденный, то онъ, какъ Іуда, есть діаволь, тать и сынъ пагубы, но не глава св. воинствующей церкви; 4) папа или прелаты, живущіе не по закону Христа, или предосужденные не суть истинные пастыри, но тати и разбойники; 5) папа не есть «святѣйшій» (*sanctissimus*), и по сану не долженъ такъ называть себя, иначе также должны называться и короли; 6) если папа живетъ протѣвнво закону Христову, хотя бы человѣческое избраніе его было законно, онъ все же не дверью вошелъ во дворъ овчій, а прелазилъ инуду, что оправдано примѣромъ Іуды; 7) осужденіе 45-ти статей Виглефа неосновательно и несправедливо; также несправедливъ постановленный докторами приговоръ о томъ, что всѣ подложенія Виглефа безусловно еретическія или неправильны ²⁾).

Остальныя статьи извлечены были изъ сочиненія Гуса противъ Станислава изъ Знойма. Онѣ были направлены преимущественно противъ папской теоріи: 1) лицо, избранное въ санъ преемника Христа или намѣстника Петра, не можетъ еще считаться законно избраннымъ только потому, что на это избраніе, по человѣческому обычаю, выразили согласіе всѣ избиратели, или

¹⁾ Raynaldi, *Annal eccles.* XVII p. 464 an. 1415 n. 41.

²⁾ Ibid. Höfler, *Geschichtschreiber der Hussitischen Bewegung.* th. 1. s. 256—260.

большинство ихъ; напротивъ каждый членъ церкви чѣмъ болѣе онъ оказывалъ заслугъ въ пользу церкви, тѣмъ болѣе имѣеть права на этотъ санъ отъ Бога; 2) папа предосужденный не есть глава св. церкви; 3) церковь не нуждается въ особенной видимой главѣ, когда она управляется невидимымъ Главою — Иисусомъ Христомъ; 4) безъ папы и кардиналовъ Христосъ можетъ лучше управлять своимъ тѣломъ чрезъ посредство вѣрныхъ учениковъ, разсѣянныхъ въ мірѣ; 5) Петръ не былъ вселенскимъ пастыремъ стада Христова, и епископъ Римскій также не можетъ считаться представителемъ всецелестской церкви; 6) Апостолы и вѣрные священно-служители Господа руководили древнюю церковью право во всемъ, что необходимо для спасенія, и это могло бы продолжаться до настоящаго времени, если бы не было папы.

По окончательномъ прочтеніи этихъ обвинительныхъ статей нѣкоторые отцы собора и самъ король Сигизмундъ увѣщивали Гуса отречься отъ приведенныхъ положеній, но онъ, или не соглашался признать многихъ положеній своими, или же не хотѣлъ отречься отъ дѣйствительныхъ своихъ положеній, такъ какъ это противорѣчило его убѣжденіямъ и требованіямъ совѣсти. Напрасно старались подѣйствовать на Гуса угрозами, онъ оставался непреклоненъ, и соборъ единогласно произнесъ на него обвиненіе въ упорствѣ. По закрытіи засѣданія, когда Гуса увели въ темницу, Сигизмундъ заявилъ, что изъ приведенныхъ противъ Гуса обвиненій достаточно было бы и одного для осужденія его. А потому, если Гусъ будетъ упорствовать въ ереси, онъ первый подастъ голосъ въ пользу сожженія его. Онъ просилъ отцовъ собора запретить Гусу прежде всего проповѣдывать и возвращаться во всѣ тѣ мѣста, куда проникло ученіе еретика, и идѣ скрываются его тайные послѣдователи, съ повелѣніемъ, чтобы всѣ, зараженные ересью Гуса, подверглись церковному наказанію ¹⁾. вмѣстѣ съ этимъ онъ увѣщивалъ не терять времени и

¹⁾ Palazky. Geschichte von Böhmen th. III. I. 336.

поскорѣе покоичить съ ученикомъ его Іеронимомъ. Не смотря на это, соборъ, вопреки желанію Сигизмунда, откладывалъ свое окончательное рѣшеніе и старался дѣйствовать на убѣжденіе Гуса. По словамъ Кохдея, когда Іеронимъ также былъ задержанъ на Констанцкомъ соборѣ, и оба великіе двигатели мысли и дѣла въ государствѣ Чешскомъ находились во власти собора, тогда уже возникла мысль о томъ наказаніи, какому нужно было подвергнуть ихъ. Изъ словъ Рейхенталя видно, что тогда духовенство считало костеръ только крайнею мѣрою, что оно согласно было помириться и на вѣчномъ заточеніи того и другого, лишь бы только отнять у нихъ средства проповѣдывать въ Чехіи и другихъ государствахъ ¹⁾. Самъ Гусъ каждую минуту ожидалъ приговора и готовился пострадать за вѣру, тѣмъ не менѣе, по окончаніи послѣдней аудіенціи, ему оставалось жить еще цѣлыхъ четыре недѣли. Можетъ быть такая проводочка, такая дерзшительность собора обусловливалась отчасти полученіемъ грозныхъ посланій отъ Чеховъ. Одно изъ такихъ посланій, подписанное 250-ю панами, было прочитано на соборѣ 12 іюня 1415 г. въ присутствіи представителей четырехъ націй. Въ этомъ посланіи чешскіе и моравскіе вельможи осыпаютъ соборъ такими рѣзкими упреками за безсовѣстное обращеніе съ возлюбленными ихъ учителями Гусомъ и Іеронимомъ Пражскимъ, и такъ настойчиво требуютъ ихъ освобожденія, что не удивительно, если отцы собора поколебались произнести рѣшительное осужденіе. Однако епископъ Лютомышльскій и Стефанъ Падечъ всѣми мѣрами старались ободрить ихъ и обратить вниманіе на то, что по крайней мѣрѣ король Вячеславъ не принималъ участія въ подобной демонстраціи своихъ подданныхъ и не сдѣлалъ ни одного шага въ пользу Гуса. Дѣйствительно Вячеславъ не принималъ никакой мѣры для освобожденія Гуса, но такъ поступалъ онъ (по словамъ Палац-

¹⁾ Новиковъ «Гусъ и Лютеръ» стр. 161.

каго) не столько по равнодушію къ судьбѣ своего любимаго проповѣдника, сколько изъ политическихъ разсчетовъ. Его примиреніе съ братомъ Сигизмундомъ, послѣдовавшее въ 1411 г., было не полное. Уже при открытіи Констанскаго собора между ними не было видно никакихъ братскихъ отношеній. Они взаимно отказывали другъ другу въ титулѣ Римскаго императора, и Вячеславъ официально также мало получалъ свѣденій о Констанскомъ соборѣ, находившемся подъ руководствомъ его брата, какъ прежде самъ Сигизмундъ о соборѣ Пизскомъ, но въ тоже время оба они избѣгали враждебныхъ столкновеній, которыя могли бы повредить ихъ репутаціи предъ свѣтомъ, и на Констанскомъ соборѣ питались надеждою, что Вячеславъ, по примѣру всѣхъ прочихъ католическихъ королей, пошлетъ своихъ пословъ на соборъ, но эта надежда не оправдалась...

Если отцы собора прямо противъ Гуса колебались употреблять какія нибудь рѣшительныя мѣры то они нисколько не задумывались принять мѣры для уничтоженія гусситской ереси въ Чехіи. Лишь только соборъ изъ донесенія епископа Лютомышльскаго узналъ о введеніи въ Чехіи новатаго обряда причащенія, онъ немедленно поручилъ особенной комиссіи лучшихъ теологовъ опровергнуть догматическія основанія, на которыхъ опирался Якубекъ, проповѣдуя о необходимости причащенія изъ чашки ¹⁾. На основаніи шести заключеній этой комиссіи былъ составленъ декретъ объ осужденіи причащенія подъ обоими видами, который былъ прочитанъ 15 іюня 1415 г. на 13-й генеральной сессіи архіепископомъ Миланскимъ и, по предложенію предсѣдателя собора, утвержденъ императоромъ и депутатами четырехъ націй. «Хотя Іисусъ Христосъ установилъ и преподалъ апостоламъ таинство Евхаристіи подъ обоими видами хлѣба и вина (говорилось въ этомъ декретѣ), а также въ первенствующей церкви

¹⁾ Raynaldi, Annales eccles. XVII p. 461.

всѣ вѣрующіе причащались подѣ обоими видами: однако въслѣдствіи стали причащаться таинству подѣ обоими видами только священно-служители (*conficientes*), міряне же—подѣ однимъ видомъ хлѣба. Такъ какъ этотъ обычай введенъ церковію и св. отцами на разумныхъ основаніяхъ и соблюдается съ давняго времени; то его должно признать за законъ, котораго ни отвергать, ни измѣнять безъ авторитета церкви не должно. Поэтому ошибочно утверждаютъ, что соблюденіе этого закона «преступно и недозволительно». И тѣ, которые упорно утверждаютъ это, какъ еретики, должны быть отлучаемы и строго наказываемы мѣстными епископами, ихъ официалами, или инквизиторами ¹⁾.

Само собою разумѣется, что это постановленіе Констанскаго собора не могло имѣть никакого значенія въ Чехіи. Хотя архіепископъ Пражскій и король Вячеславъ непосредственно послѣ полученія декрета строжайшимъ образомъ запретили причащеніе отъ чаши; однако это приказаніе исполнялось только въ Прагѣ и то на самое короткое время. Въ другихъ же мѣстахъ Чехіи и Моравіи гусситскіе священники свободно причащали мірянъ тѣла и крови Христовой. Якубекъ написалъ теперь сочиненіе въ опроверженіе соборнаго постановленія и «conclusiones» докторовъ Констанскаго собора, которые (такъ какъ основывались на *обычаѣ*, а не на ученіи и примѣрѣ Христа) были въ насмѣшку прозваны «докторами обычая». Между Якубкомъ и Андреемъ изъ Брода, католическимъ профессоромъ Пражскаго университета, по поводу причащенія подѣ обоими видами завязалась горячая полемика, и Якубекъ восторжествовалъ надъ своимъ противникомъ ²⁾. Гусъ теперь еще рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, настаиваетъ на необходимости причащенія отъ чаши. Въ концѣ іюня 1415 г.

¹⁾ Raynaldi, Annales eccles. XVII p. 457 n. 2).

²⁾ Эти полемическія сочиненія собраны въ актахъ Констанскаго собора Гардіа. t. III p. 291—657.

онъ пишетъ къ своему преемнику Видлемской часовни: «не противясь таинству причащенія отъ чаши, которое Иисусъ Христосъ установилъ и преподавалъ апостоламъ и которое вполнѣ согласно съ священнымъ Писаніемъ, ученіемъ отцовъ церкви и противно лишь обычаю римской церкви, произшедшему отъ нерадѣнія (ex negligentia). Уже мы должны слѣдовать не обычаю, но примѣру Иисуса Христа и истинѣ (Iam non debemus consuetudinem sequi, sed Christi exemplum et veritatem). Только теперь соборъ, ссылаясь на обычай, осудилъ причащеніе мірянъ отъ чаши, какъ заблужденіе, и постановилъ предавать отлученію, какъ еретиковъ, всѣхъ исполняющихъ это. Такъ лукавство уже самое установленіе Христа осуждаетъ какъ заблужденіе. Поэтому прошу тебя, ради Бога не противодѣйствуй магистру Ягубку, чтобы между вѣрующими не было раскола, о которомъ радуется діаволъ. И такъ, возлюбленный, готовься пострадать за причащеніе тѣла и крови и стой мужественно въ истинѣ Христовой ¹⁾».

Между тѣмъ соборъ, послѣ осужденія причащенія подъ обоими видами, началъ послѣдніе переговоры съ Гусомъ. Ему дредлагали формулу отреченія, по которой онъ долженъ былъ подчиниться приговору собора во всѣхъ обвиненіяхъ, справедливыхъ и ложныхъ и совершенно отречься отъ своихъ положеній. Но Гусъ, не смотря ни на угрозы, ни на увѣщанія, рѣшительно отказался отъ всякаго отреченія. Отцы собора, выведенные изъ терпѣнія такимъ упорствомъ еретика, рѣшились произнести надъ нимъ окончательный приговоръ.

6 іюля 1415 г. Гусъ былъ выведенъ изъ темницы епископомъ Рижскимъ и приведенъ въ соборную Констанскую церковь, куда собралось великое множество духовныхъ и свѣтскихъ чя-

¹⁾ Histor. et Monum. Ioh. Hus. atque Hieron. Pragens. t. 1. p. 86. Gieseler, Lehrbuch Kirchengeschichte 4. 2 s. 404

— 147 —

новъ подъ предсѣдательствомъ кардинала Остійскаго. Здѣсь, по совершеніи литургіи, снова прочтены были 30 статей Гуса, извлеченныхъ изъ 260 заблужденій Виллефа. Не смотря на то, что Гусу приписывались такія положенія, которыхъ онъ и не думалъ защищать, ему не было дозволено возражать противъ обвинительныхъ пунктовъ. По прочтеніи этихъ пунктовъ, надъ Гусомъ исполненъ обрядъ разстриженія съ разными унижительными церемоніями, послѣ чего, какъ еретикъ, онъ преданъ огненной казни. Онъ умеръ радостно, спокойно, съ вѣрою, среди молитвы и хвалы Богу, какъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ мучениковъ, которые запечатлѣли смертію свое христіанское исповѣданіе.

Что либеральный, реформаторскій соборъ съ Герсономъ во главѣ, могъ произнести смертный приговоръ такому мужу, какъ Гусъ, становится легко понятнымъ при болѣе внимательномъ соображеніи обстоятельствъ дѣла. Номиналистическимъ отцамъ собора ненавистный реализмъ Гуса давалъ поводъ предполагать въ немъ всевозможныя ереси. Своими хлопотами объ интересахъ чешской національности въ Пражскомъ университетѣ онъ возбуждалъ противъ себя національное чувство нѣмцевъ. Неправильно понятое соборомъ ученіе Гуса о томъ, что церковь состоитъ изъ однихъ предопредѣленныхъ, представлялось опаснымъ заблужденіемъ. Всѣхъ другихъ пунктовъ, которыми онъ стоялъ на евангельской почвѣ, соборъ не могъ оцѣнить по причинѣ своего односторонняго реформаторскаго направленія. Іерархическая партія, чтобъ устранить своихъ противниковъ, хотѣла показать хотя одинъ примѣръ, что церковь имѣетъ еще силу сжигать еретиковъ, а партія либеральныхъ отказала ему въ защитѣ, чтобъ чрезъ подозрѣніе въ соучастіи въ его ереси не повредить успѣху своихъ реформаторскихъ стремленій.

4.

Волненія гусситовъ по сожженіи Гуса.—Союзы католическихъ и гусситскихъ вельможъ.—Мѣры собора противъ гусситовъ.

Извѣстіе о сожженіи Гуса произвело въ Чехіи и Моравіи неописанное волненіе. Раздраженный народъ прежде всего бросился на католическое духовенство и монаховъ, которыхъ онъ считалъ виновниками мученической смерти своего любимого проповѣдника и оскорбленія чести націи. Особенно сильныя возмущенія произошли въ Прагѣ.—Здѣсь, дома католическихъ священниковъ, которые особенно считались врагами Гуса, были разграблены и совершенно разрушены; многіе духовные, не спасшіеся заблаговременно бѣгствомъ, лично подверглись разнымъ мученіямъ или смерти. Архіепископскій дворецъ на Малой сторонѣ былъ формально обложенъ, и только съ трудомъ самому архіепископу Конраду удалось спастись бѣгствомъ отъ смерти. Не лучшей участи подверглось католическое духовенство и во всемъ государствѣ. Бароны, обратившіеся въ гусситство, изгнали изъ своихъ помѣстій католическихъ священниковъ и ихъ бенефиціи передали гусситскому духовенству. Но особенно ненависть народа направилась противъ епископа Лютомышльскаго, который въ Констанцѣ былъ главнымъ обвинителемъ Гуса со стороны чешскаго духовенства: все его помѣстья были заняты дворянствомъ и имущество конфисковано. Земское правительство должно было немедленно позаботиться о прекращеніи народныхъ волненій, опасныхъ для благосостоянія государства. Но во главѣ земскаго правительства стояли: Чинекъ Вартембергскій и Лацекъ изъ Кравора, которые отличались особенно—ревностною преданностію гусситству. Они условились удерживать въ законныхъ предѣлахъ страстные порывы народа и давать желаніямъ и потребностямъ народа законное направленіе.

Въ началѣ сентября 1415 г. собрался въ Прагѣ боль-

шой сеймъ не только изъ представителей чешскихъ, но и моравскихъ сословій. Уже 2 сентября 1415 г. собраніе условилось въ формѣ и содержаніи письма, которое предполагалось послать на Констанскій соборъ. Въ приступѣ атого письма, вмѣсто обычнаго привѣтствія, вельможи и рыцари свидѣтельствовали только о своемъ ревностномъ стремленіи къ благу и твердомъ соблюденіи заповѣдей Христовыхъ. Потомъ продолжали: «по истинной, Богомъ заповѣданной любви къ ближнему, мы, какъ вамъ, достопочтенные отцы собора, такъ и пресвѣтлѣйшему королю Сигизмунду, нашему будущему государю, посылали много писемъ о возлюбленнѣйшемъ нашемъ евангельскомъ проповѣдникѣ и учителѣ магистрѣ Іоаннѣ Гусѣ, которыя были также прочитаны на вашемъ соборѣ: но вы, какъ мы слышали, съ презрѣніемъ бросали эти письма въ огонь и достопочтеннаго магистра, не избличивъ въ заблужденіяхъ, а только по однимъ ложнымъ, безсовѣстнымъ клеветамъ его личныхъ и нашихъ враговъ, осудили, какъ упорнаго еретика, и предали жестокой и поноснѣйшей казни къ вѣчному оскорбленію и стыду всего нашего королевства Чехіи и маркграфства Моравіи. Кромѣ того, вы достоуважаемаго магистра Іеронима Пражскаго, краснорѣчиваго мужа и знаменитаго философа, не видѣвъ и не выслушавъ, по подстреканію нѣкоторыхъ клеветниковъ, немилосердно заключили въ тюрьму, а можетъ быть даже, какъ Гуса, уже и его обрekli на жестокую казнь. Наконецъ, къ величайшему прискорбію, мы слышимъ и заключаемъ также изъ вашихъ писемъ, что насъ и все наше христіаннѣйшее королевство и маркграфство соборъ обвиняетъ въ ереси... Можемъ ли мы терпѣть столь ужасныя оскорбленія? Все-му свѣту извѣстно, да вѣроятно и вамъ, что наша земля и народъ со времени обращенія своего въ христіанство, среди всѣхъ волненій и раздоровъ, когорымъ подвергались многія царства на землѣ вслѣдствіе церковныхъ схизмъ, непоколебимо оставалась вѣрна христіанской вѣрѣ и готова была для защиты ея на вся-

кія жертвы. Поэтому, чтобы оправдать нашу честь и очистить нашу совѣсть, объявляемъ вамъ и всему міру, что мы исповѣдуемъ истинную и православную вѣру (*certam orthodoxam que fidem terore praesentium v. p. et universis Christi fidelibus innotescimus*), что магистръ Іоаннъ Гусъ несомѣнно былъ мужъ чистой нравственности, истинный христіанинъ; онъ объяснялъ намъ евангельскія заповѣди по ученію св. отцовъ, предотвращалъ отъ всякихъ заблужденій и ересей, ревностно увѣщевалъ всѣхъ жить въ мірѣ и любви съ ближними, словомъ, писаніемъ, дѣломъ, и самъ руководилъ къ этому кроткимъ и назидательнымъ образомъ жизни. Мы объявляемъ еще: кто упорно утверждаетъ, что въ Чехіи существуютъ еретики, тотъ, какого бы сословія и званія ни былъ, есть лжецъ, гнусѣйшій предатель, врагъ Чешской земли и народа, самъ—злой еретикъ и сынъ діавола, отецъ лжи. Оскорбленіе это пока мы предоставляемъ праведному суду Божию, но при этомъ заявляемъ, что заповѣди Христа и онаго благочестиваго, смиреннаго и ревностнѣйшаго благовѣстника слова Божія мы готовы защищать до пролитія крови во всякое время, не обращая вниманія ни на какія угрозы и преслѣдованія»¹⁾.

Спустя три дня чешскіе и моравскіе вельможи въ формѣ рѣшенія земскаго сейма заключили союзъ для охраненія чистаго гусситскаго вѣроученія. Въ силу этого союза они обязались по руководству трехъ избранныхъ вельможъ—Ченека Вартембергскаго, Лацека изъ Кравора и Богена изъ Подиброда во всемъ дѣйствовать вмѣстѣ, во всѣхъ своихъ владѣніяхъ защищать свободу проповѣди; епископской власти только тогда оказывать повиновеніе, когда она дѣйствуетъ въ интересахъ истинной вѣры и по ученію слова Божія; несправедливымъ церковнымъ отлученіямъ сопротивляться и во всемъ слѣдовать постановленіямъ

¹⁾ Raynaldi, Annal. eccles. XVII p. 467 n. 45 an. 1415. Cochlei Historia Hussitorum lib. IV, p. 183.

Пражскаго университета (который поставленъ теперь выше собора) ¹⁾. Этотъ союзъ, долженъ былъ продолжаться въ теченіи шести лѣтъ. Союзомъ этимъ вмѣсто католической церкви Пражскій университетъ въ первый разъ, такъ сказать, уполномочивается быть верховнымъ судьей во всѣхъ вопросахъ религіозныхъ и церковныхъ. Вельможи употребляли всѣ старанія, чтобы и самого короля Вячеслава привлечь къ своему союзу и постановленія свои санкціонировать авторитетомъ королевской власти. Но не смотря на то, что Вячеславъ самъ былъ раздраженъ противъ собора за назнь Гуса, былъ очень расположенъ въ пользу гусситства, однако у него не было на столько смѣлости и рѣшительности, чтобы соединиться съ «еретиками» и такимъ образомъ произвести разрывъ со всѣмъ католическимъ міромъ. Впрочемъ Вячеславъ снисходительно смотрѣлъ на все это, тѣмъ болѣе, что и жена его королева Софія открыто заявила себя противъ Констанскаго собора и протестовала вмѣстѣ съ другими аристократами «за невинно сожженнаго». Благодаря такому снисходительному и отчасти даже покровительственному отношенію королевской фамиліи, гусситскіе бароны скоро успѣли расширить свой союзъ присоединеніемъ къ нему многихъ авторитетныхъ личностей изъ дворянскаго сословія. Въ тѣхъ округахъ Чехіи и Моравіи, въ которыхъ гусситскіе вельможи имѣли неоспоримый перевѣсъ, образовались сеймы окружные, и всѣ дворяне въ государствѣ приглашены были дать свое согласіе на документы, составленные въ Прагѣ, и скрѣпить ихъ приложеніемъ своихъ печатей. Такъ письма къ отцамъ Констанскаго собора, изданныя въ количествѣ восьми экземпляровъ, были скрѣплены не менѣе, какъ 452 печатями.

При такой дѣятельности гусситской партіи, католическая

¹⁾ Gieseler, Kirchengeschichte 4. 2. s. 426 примѣч. Historia et Monum. 1, pag. 98.

партія также не могла долго оставаться въ бездѣйствіи. Хотя она была значительно меньше по численности, по за то въ ней не было недостатка въ знаменитыхъ личностяхъ. Во главѣ ея стояли королевскій оберъ-гофмейстеръ Іоаннъ изъ Нейгауза, Алексѣй Скопецъ изъ Дуба и др... 1 Октября 1415 г. въ домѣ архіепископа Коврада на Чешскомъ Бродѣ составилось собраніе католическихъ членовъ. На этомъ собраніи также рѣшено было составить документъ о союзѣ католической партіи. О содержаніи этого документа извѣстно только то, что католическіе бароны обязались быть во всемъ вѣрными и послушными своему королю, Римской церкви и собору, по примѣру своихъ предковъ. Когда архіепископъ пригласилъ также короля Вячеслава присоединиться къ этому союзу, то онъ объявилъ устно, но не формально о своей готовности быть членомъ этого союза. Объявленіе это, когда сдѣлалось извѣстнымъ на Констанскомъ соборѣ, возбудило тамъ большую радость, и члены этого собора тѣмъ рѣшительнѣе стали дѣйствовать противъ гусситовъ.

Спустя двадцать дней по сожженіи Гуса Констанскій соборъ въ посланіи къ чехамъ, морavamъ, силезцамъ оправдывалъ казнь Гуса, отъ ученія котораго предостерегалъ всѣхъ, и непослушнымъ угрожалъ самыми строгими наказаніями. «Да знаютъ всѣ (говорилось въ заключеніи этого посланія), что тѣ, которые осмѣлятся по безразсудству осуждать этотъ нашъ приговоръ, Богу пріятнѣйшій и спасительный для всего христіанскаго народа, или защищать гнусную и отвратительную гусситскую ересь, подвергнутся всей строгости каноническихъ законовъ... ¹⁾).

Когда соборъ узналъ о волненіи гусситовъ и о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на католическое духовенство, онъ послалъ епископа Лютомышльскаго Іоанна Желѣзнаго въ Чехію съ полномочіемъ чрезвычайнаго апостольскаго легата и съ письмами, въ ко-

¹⁾ Raynaldi, *Annales Eccles.* XVII, p. 466.

торыхъ дѣлалось воззваніе ко всѣмъ вѣрнымъ сынамъ католической церкви содѣйствовать легату въ его предпріятіяхъ и защищать его, если еретики осмѣлятся посягнуть на его жизнь. Но мужественный и ревностно преданный интересамъ католической церкви епископъ Лютомышльскій, при своемъ возвращеніи въ отечество, нашелъ расположеніе своихъ соотечественниковъ столько враждебнымъ, что не рѣшился публично показываться даже предъ королемъ и его совѣтомъ безъ охранной грамоты. Особенно его поразило то, что, тогда какъ гусситская ересь такъ быстро и такъ широко распространялась, ни король, ни его сотоварищи—архіепископъ Конрадъ и епископъ Ольмюцкій Венцеславъ не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для подавленія ея. Послѣдніе по видимому руководились въ своихъ поступкахъ двусмысленнымъ образомъ дѣйствій короля Вячеслава. Хотя они и старились казаться раздраженными, однако не принимали ничего важнаго для защиты своего духовенства и для наказанія еретиковъ. Только архіепископскій генераль-викарій и члены пражской капитулы показали въ этомъ отношеніи ту энергію и рѣшительность, какой желалъ епископъ Лютомышльскій. Уже раньше, предъ прибытіемъ его, они строгими декретами, разосланными по всему діоцезу, старались воспрепятствовать возстановленію въ Чехіи причащенія подъ обоими видами и «свободному проповѣдыванію слова Божія» гусситскими священниками. 1 Ноября 1415 г. они въ силу апостольской власти наложили на всю Прагу (за исключеніемъ Вышгорода) интердиктъ собственно за пребываніе тамъ друга Гуса и главнаго его приверженца магистра Іоанна изъ Есеницы, который уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находился подъ папскимъ проклятіемъ, не заботясь о томъ и не измѣняя своего образа мыслей. Однако эти строгія мѣры не имѣли никакихъ особенныхъ послѣдствій, благопріятныхъ для католичества. Уже въ лучшихъ пражскихъ церквахъ служили гусситскіе священники, которые не обращали никакого

вниманія на интердиктъ. Само католическое духовенство приведено было въ крайнее смущеніе, когда, по приказанію короля, имъ снова стали отдавать доходы. Тѣмъ не менѣе интердиктъ тяготѣлъ надъ Прагою въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и соблюдался во всей строгости въ тѣхъ приходахъ, гдѣ было католическое духовенство, не смотря на то, что Вячеславъ уже въ началѣ 1416 г. побудилъ магистра Іоанга изъ Есеницы удалиться изъ Праги ¹⁾.

Таково было положеніе дѣлъ въ Чехіи, когда Констанскій соборъ назначилъ публичную аудіенцію Іерониму.

Б.

Аудіенція Іеронима Пражскаго.— Обвинительныя статьи противъ него.— Осужденіе Іеронима и смерть.

По сожженіи Гуса отцы Констанскаго собора старались по крайней мѣрѣ возвратитъ Іеронима въ лоно католической церкви, чтобы не вооружить противъ себя еще болѣе гусситовъ. Съ этою цѣлію 11 сентября 1415 г. была назначена ему первая публичная аудіенція. На этой аудіенціи большинство отцовъ собора заботилось не столько о томъ, чтобы обвинить Іеронима въ ереси, сколько о томъ, чтобы увѣщаніями склонить его къ отреченію отъ своего ученія. Къ увѣщаніямъ часто присоединяли и угрозы: говорили, что и съ нимъ будетъ поступлено какъ съ его другомъ. Не удивительно, что старанія отцовъ Констанскаго собора на первый разъ увѣнчались успѣхомъ: Іеронимъ во время четырехмѣсячнаго суроваго заточенія своего въ темницѣ перенесъ столько страданій и лишеній, что не могъ не поколебаться, особенно въ виду той ужасной казни, которой онъ долженъ былъ подвергнуться при твердости въ своихъ убѣжденіяхъ. Онъ выразилъ готовность присоединиться къ римской церкви и подчиниться

¹⁾ Palazky, Bd. III, 1. s. 381. Real-Encyclopedie Herzog. VI. B. 358 s.

постановленіямъ собора во всемъ, особенно относящемся къ вѣрѣ (quae ad fidem pertinent): именно, онъ согласился признать еретическимъ ученіе Виклефа и отрекся отъ положеній Гуса. Впрочемъ Іеронимъ долго не хотѣлъ признать дѣйствительными положеній Гуса, за которыя тотъ былъ осужденъ соборомъ; онъ былъ увѣренъ, что положенія эти вымышлены соборомъ и только тогда, когда «знаменитѣйшіе доктора и магистры» увѣрили его, что осужденныя положенія дѣйствительно составлены Гусомъ и вѣрно извлечены изъ сочиненій его,—только тогда онъ рѣшился отречься отъ этихъ положеній. Но и при этомъ объявилъ, что онъ не все осужденныя положенія Гуса признастъ еретическими, а только нѣкоторыя, остальные же признастъ неправильными или ошибочными. Наконецъ Іеронимъ заявилъ, что онъ не смѣетъ произнести никакой хулы противъ личности Гуса, противъ его истинно-христіанской жизни и святыхъ истинъ, проповѣдуемыхъ съ церковной кафедрой ¹⁾).

Понятно, что такое отреченіе отъ гусситства не могло удовлетворить отцовъ собора. Они назначили особенную комиссію, которая должна была склонить Іеронима къ полному отреченію. По постоянному членовъ этой комиссіи, на девятнадцатомъ засѣданіи собора 13 сентября 1413 г., Іеронимъ согласился про-

¹⁾ Можно, впрочемъ, предполагать, что отреченіе Іеронима, въ это время по крайней мѣрѣ, было искренно, и слова его не противорѣчили убѣжденіямъ. Объ этомъ можно заключать изъ письма Іеронима къ Лопку изъ Краворта, написаннаго въ это время. „Не думай, любезный мой благодѣтель, (говорилъ Іеронимъ въ этомъ письмѣ), будто я по необходимости это подписалъ (т. е. формулу отреченія), или будто я изъ страха отдѣлился отъ Гуса. Когда послѣ доводовъ магистровъ и докторовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, я убѣдился, что покойный написалъ много неправильнаго: то хотя я и былъ другомъ покойнаго и лично защищалъ его честь во всѣхъ странахъ, но теперь не хочу быть защитникомъ его заблужденій, о чемъ я и заявилъ свободно предъ всеми отцами собора.“ (Helfert. Hus und Hieronimus, примѣч. стр. 310).

изнести отреченіе по новой формулѣ. Формула эта была слѣдующая; «Я, Іеронимъ, отрекаюсь отъ всѣхъ ересей, особенно тѣхъ, которыми я самъ былъ зараженъ до настоящаго времени и которыя проповѣдывали Веклефъ и Янъ Гусъ, за что они осуждены этимъ соборомъ, какъ еретики, особенно за отдѣльныя положенія, приведенныя въ приговорѣ собора. Объявляю, что я подчиняюсь во всемъ римской церкви и апостольскому престолу и согласенъ признать все то, чему учить эта церковь (особенно о таинствахъ, обрядахъ, отпускахъ и вообще о всемъ, относящемся къ христіанской религіи). Признаю, что большая часть изъ приведенныхъ въ приговорѣ собора пунктовъ—еретическіе, другіе ложны или соблазнительны, нѣкоторые предосудительны и возмутительны, и справедливо осуждены этимъ соборомъ, который запретилъ ихъ приимать и учить всѣмъ католикамъ подъ угрозою отлученія отъ церкви» ¹⁾).

По окончаніи аудіенціи Іеронимъ снова былъ отведенъ въ темницу, но теперь уже съ нимъ обращались гораздо лучше, чѣмъ прежде. Отцы собора теперь были поставлены въ затруднительное положеніе касательно того—слѣдуетъ ли Іерониму предоставить полную свободу, послѣ того, какъ они достигли своей желанной цѣли. Епископъ Зальцбургскій Робертъ Галламъ убѣждалъ отцовъ собора не предавать Іеронима казни и приводилъ при этомъ слова Писанія: «Богъ не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему». Кардиналы Камбрейскій, Авилейскій и другіе увѣщивали также предоставить плѣннику свободу. Но канцлеръ Гереонъ, патріархъ Аптіохійскій и др. протестовали противъ этихъ заявленій и горячо настаивали на продолженіи процесса, такъ какъ они очень сомнѣвались въ искренности отреченія Іеронима. Докторъ Іоаннъ Насъ не побоялся даже публично сказать, что «кардиналы, настаивавшіе на освобож-

¹⁾ Raynaldi, Annales Eccles. XVII, p. 467.

деніи Іеронима, вѣроятно подкуплены королемъ Вячеславомъ и еретиками гусситами, если они такъ горячо ходатайствуютъ объ освобожденіи столь опаснаго ересіарха». Сторону этого доктора особенно поддерживали, какъ замѣчаегъ гусситъ Лаврентій Брежина, Михайль de causis и Стефанъ Палечъ. Дѣятельность Іеронима, его убѣжденія и характеръ хорошо были имъ извѣстны, а потому они ни какъ не могли повѣрить, чтобы отреченіе его было искренно. Кромѣ того, изъ Праги прибыли въ Констанць нѣкоторые монахи, которые выставили противъ Іеронима новыя обвинительныя статьи, и соборъ 24 февраля 1416 г. назначилъ особенную слѣдственную комиссію изъ патріарха Іоанна константинопольскаго и доктора Никласа ¹⁾. Комиссія эта сначала производила частные допросы въ темницѣ Іеронима, а потомъ перенесла дѣло на разсмотрѣніе собора. 17 апрѣля 1416 г. по дѣлу Іеронима состоялось генеральное собраніе, на которомъ выставлено было противъ Іеронима два обвинительныхъ акта. Первый актъ состоялъ изъ 45 статей. По этимъ статьямъ Іеронимъ обвинялся въ томъ, что онъ защищалъ и распространялъ еретическое ученіе Виклефа; не обращалъ вниманія на папскія проклятія, которымъ онъ подвергался за распространеніе ереси; поносилъ вездѣ римско-католическую церковь; писалъ множество сатирическихъ сочиненій противъ католическаго духовенства и особенно противъ пражскаго архіепископа; укрывался часто отъ допросовъ, къ которымъ онъ былъ привлекаемъ за распространеніе ереси; защищалъ (иногда силою оружія) гусситовъ и виклефитовъ отъ нападеній ихъ противниковъ; нерѣдко самъ нападалъ въ Прагѣ на католическихъ монаховъ; насмѣхался надъ католическими реликвіями; возбуждалъ чеховъ къ преслѣдованію католическаго духовенства; часто публично проповѣдывалъ противъ папской власти и индульгенцій; возбуждалъ мірянъ презри-

¹⁾ Höfler, Geschichtschreiber d. Hussitischen Bewegung. th I, s. 335.

тельно относиться къ папскимъ проклятіямъ; въ Литвѣ и Россіи отдавалъ открытое предпочтеніе вѣрѣ схизматиковъ предъ католическою, за что отъ первыхъ получилъ большіе подарки и проч. По прочтеніи этихъ статей инквизиторъ заявилъ, что если теперь не будетъ употреблено противъ секты виклефистовъ надлежащихъ мѣръ, то она принесетъ католической церкви еще больше вреда, чѣмъ аріанская ересь ¹⁾. По этому онъ счелъ нужнымъ къ прочитаннымъ статьямъ присоединить еще нѣсколько другихъ, болѣе важныхъ. Собственно говоря въ статьяхъ этихъ, которыхъ числомъ было 102, повторялись тѣ же самыя обвиненія, по онѣ были формулированы полнѣе и опредѣленнѣе. Мы считаемъ нужнымъ привести ихъ, хотя кратко, такъ какъ они уясняютъ намъ исторію происхожденія гусситства. «Виклефъ написалъ много еретическихъ сочиненій, которые были осуждены Оксфордскимъ университетомъ, архіепископомъ Кансерберійскимъ и его соборомъ. Гусъ читалъ эти сочиненія и распространялъ ереси Виклефа между народомъ и духовенствомъ. Такъ возникла въ Прагѣ секта виклефистовъ. Эти виклефисты отпали отъ католической церкви и другихъ увлекали за собою. Они расхищали имущества духовенства, подвергали его гоненіямъ и преслѣдованіямъ, изгоняли изъ своихъ приходовъ и бенефиціи передавали виклефистамъ».

«Иеронимъ съ самаго начала сдѣлался защитникомъ виклефизма и разныхъ нововведеній. Онъ изучалъ въ Англіи сочиненія Виклефа и до такой степени увлекся ими, что даже переписалъ для себя. Онъ также распространялъ сочиненія Гуса. Напротивъ тѣ сочиненія, которые были одобрены авторитетомъ католической церкви, онъ презиралъ и считалъ ихъ совершенно

¹⁾ Si evaderet debita cartela non adhibita, nunquam perfidia Ariana in tantum nocuit ecclesiae catholicae et religioni christianae, quantum faceret secta wiclefistarum. Raynaldi Annal., XVII, p. 481.

беспользными. На диспутѣ въ Прагѣ Іеронимъ публично утверждалъ, что кто не читаетъ сочиненій Виклефа, тотъ не можетъ считаться ученымъ человѣкомъ. Отъ студентовъ Пражскаго университета онъ требовалъ, чтобы они непременно читали книги Виклефа».

«Въ продолженіи 12-ти лѣтъ Іеронимъ пользовался дурною репутаціею, какъ нарушитель общественнаго спокойствія. Онъ многихъ совращалъ въ ересь. Не смотря на то, что хорошо зналъ объ осужденіи сочиненій Виклефа, Іеронимъ взялъ ихъ съ собою въ Прагу и здѣсь сталъ распространять ученіе Виклефа, познакомилъ съ ними Гуса, Ягубека и друг.; возбуждалъ виклефистовъ противъ католическаго духовенства и народа. Не смотря на то, что сочиненія Виклефа вновь были осуждены пражскимъ архіепископомъ, университетомъ и римскимъ соборомъ, Іеронимъ продолжалъ распространять ихъ, называя самого Виклефа святымъ человѣкомъ, евангельскимъ проповѣдникомъ, учителемъ истинной вѣры и самый портретъ еретика обратилъ въ предметъ почитанія; не обращая вниманія на приговоръ пражскаго архіепископа, Іеронимъ не соглашался на осужденіе положеній Виклефа, считая ихъ истинными, защищалъ эти положенія публично и даже преслѣдовалъ противниковъ виклефизма. Такъ въ 1411 г. Іеронимъ одного такого противника, по имени Культилифорбера, заточилъ въ темницу и такъ дурно обращался съ нимъ, что онъ чрезъ нѣсколько дней умеръ. Въ сентябрѣ 1412 г. кармелитскаго патера Николая, назвавшаго въ своей проповѣди ученіе Виклефа еретическимъ, Іеронимъ взялъ подъ стражу, содержалъ этого монаха въ заточеніи нѣсколько лѣтъ и заставилъ его наконецъ сознаться, что Виклефъ былъ челоѣкъ праведный и евангельскій проповѣдникъ. Іеронимъ утверждалъ, что міряне, принадлежащіе къ числу виклефистовъ и гусситовъ, могутъ проповѣдывать и совершать таинства».

— 160 —

«Въ 1409 г. въ Прагѣ и другихъ мѣстахъ Іеронимъ провозглашалъ, что на папскія проклятія и отлученія не слѣдуетъ обращать вниманія, если опредѣленно не извѣстно, что самъ Богъ совершаетъ такое отлученіе, также Іеронимъ отвергалъ значеніе интердикта. Вслѣдствіе такого еретическаго ученія, во многихъ мѣстахъ и городахъ пражскаго діоцеза, не смотря на интердиктъ, совершались празднества. Іеронимъ отрицалъ право папы давать индульгенціи, преслѣдовалъ проповѣдниковъ отпущеній и изгналъ ихъ изъ Праги, громко порицая папу, какъ еретика и ростовщика. Въ Венгріи, въ присутствіи императора Сигизмунда и многихъ прелатовъ, Іеронимъ проповѣдывалъ въ королевской часовнѣ и при этомъ высказалъ много еретическаго касательно таинства евхаристіи. За это король взялъ его подъ стражу и передалъ суду Грабскаго архіепископа. Въ 1411 г. въ день пятидесятницы Іеронимъ папскія буллы объ отпущеніи навѣсилъ на грудь нѣкоторыхъ непотребныхъ женщинъ и такъ водилъ ихъ по городу. Вооруженные виклефисты окружили раздававшихъ индульгенціи и, по приказанію Іеронима, кричали, что буллы еретика, ведущаго развратную жизнь, должны быть сожжены. Іеронимъ утверждалъ, что истинную католическую церковь составляетъ секта виклефистовъ, и гусситы, защитники этой секты, суть истинные мученики, и потому три преступника, которые были обезглавлены въ іюнь 1412 г., удостоены торжественнаго погребенія. Въ день памяти ихъ торжественно совершалась въ Виолеемской часовнѣ панихида (messa de martiribus), и народъ этимъ приведенъ былъ въ волненіе».

«Въ Русскомъ краѣ существуетъ издавна многолюдный городъ, называемый Витебскъ. Въ этомъ городѣ жители по большей части русскіе или схизматики, придерживающіеся греческой секты, во многомъ угнетающіеся отъ христіанской вѣры и заблуждающіеся. Въ этомъ городѣ есть соборная церковь русскаго закона и существуетъ также монастырь францисканцевъ, живущихъ по

закону истинныхъ христіанъ (т. е. католиковъ). У этого города протекаетъ судоходная рѣка, по которой сообщаются люди той мѣстности. Въ 1413 г. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ свѣтѣйшій князь Витовтъ, братъ короля польскаго, прибылъ по этой рѣкѣ въ означенный городъ Витебскъ съ большимъ войскомъ и свитою, въ числѣ которой находился лично Іеронимъ Пражскій. Фратры и благочестивые христіане означеннаго города вышли тогда на встрѣчу къ поминаемому князю съ процессією и хоругвями и священными мощами. А вышесказанные русскіе или схизматики съ ихъ превратными мощами и иконами по своему проклятому обычаю, проклятою своею процессією вышли также на встрѣчу поминаемому государю князю и приняли его при вѣздѣ. Іеронимъ же во время вѣзда покинувъ и презрѣвъ монашествующихъ братьевъ и вѣрныхъ католиковъ, пошелъ къ процессіи схизматиковъ и невѣрныхъ. И тамъ, въ присутствіи четырехъ тысячъ человѣкъ обою пола, преклонивъ колѣна, онъ сталъ поклоняться превратнымъ мощамъ и образамъ невѣрныхъ схизматиковъ и русскихъ, явно и публично обращаясь къ сектѣ тѣхъ невѣрныхъ схизматиковъ и отвращаясь отъ неповѣданія вѣрныхъ христіанъ. И въ слѣдующее за тѣмъ время Іеронимъ поклонился явно и публично превратнымъ мощамъ и образамъ, въ поруганіе христіанской вѣры, говоря и утверждая положительно, насколько онъ могъ и отъ него зависѣло, что секта русскихъ и невѣрныхъ народовъ и ихъ вѣра будетъ и есть совершенная. Тогъ же Іеронимъ, насколько могъ, старался, чтобы князя со всеѣмъ его христіанскимъ народомъ отворатить отъ христіанской вѣры и склонить оставаться въ сектѣ русскихъ и невѣрныхъ народовъ. За тѣмъ онъ въ присутствіи прендобнаго отца епископа Виленскаго на отеческія увѣщанія, подѣверждая скверными устами свои заблужденія, въ поруганіе христіанской вѣры, сказалъ положительно, что *схизматики и русскіе суть хорошие христіане* и пребывали въ этихъ своихъ заблужденіяхъ, одобряя русскихъ и ихъ превратную вѣру».

«Въ Россіи есть городъ Псковъ; Іеронимъ въ 1413 году прибылъ лично въ этотъ городъ и вступилъ въ церковь, или синагогу русскихъ во время службы для поклоненія превратнымъ таинствамъ. Въ присутствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ христіанъ, тамъ стоявшихъ, въ пренебреженіе ключей Петровыхъ и въ поруганіе христіанской вѣры, Іеронимъ, преклонивъ колѣна, повергался тамъ ницъ предъ мнимыми ихъ дарами явно, публично и гласно. Дабы болѣе понравиться невѣрнымъ и показать имъ, что онъ слѣдуетъ ихъ сектѣ и превратной вѣрѣ, и угодиться имъ въ обычаяхъ, по обряду тѣхъ невѣрныхъ онъ отпустилъ себѣ длинную бороду и волосы, отринувъ и оставивъ одѣяніе и tonsuru клирика».

По прочтеніи этихъ статей, инквизиторъ заявилъ, что Іеронимъ въ темницѣ до сихъ поръ пользовался всевозможными удобствами и не терпѣлъ никакихъ лишеній: онъ употреблялъ такую пищу, какой не могъ бы имѣть даже на свободѣ. Теперь по мнѣнію инквизитора, слѣдуетъ на Іеронима наложить постъ и подъ угрозою пытки заставить дать удовлетворительные отвѣты на обвинительныя статьи словами: *eredit, aut non eredit*. Если что нибудь изъ вышеприведеннаго онъ станетъ упорно отрицать, не смотря на то, что это было или будетъ фактически доказано, то его, какъ упорнаго и нераскаяннаго еретика предадутъ свѣтской власти ¹⁾.

Іеронимъ не желалъ отвѣчать на обвинительныя пункты частнымъ образомъ, но потребовалъ, чтобы ему было дозволено защищать себя на новой публичной аудіенціи. Отцы собора согласились удовлетворить его желанію и назначили аудіенцію на 26 мая. На этой аудіенціи снова прочитаны тѣже статьи съ незначительными дополненіями и измѣненіями. Нѣкоторыя изъ этихъ статей Іеронимъ призналъ справедливыми, но многія называлъ

¹⁾ Raynaldi, Annal. eccles. XVII p.

прямо ложными. Такъ, Іеронимъ называлъ несправедливыми тѣ статьи, въ которыхъ онъ обвинялся, будто возбуждалъ народъ къ волненіямъ, проповѣдывалъ, что всякій мірянинъ можетъ проповѣдывать, отвергалъ пресуществленіе въ евхаристіи, значеніе иконъ, мощей и проч. Но въ тоже время Іеронимъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій противъ тѣхъ статей, по которымъ онъ обвинялся въ преданности Гусу, въ отрицаніи папскихъ индульгенцій, въ предпочтеніи православія католичеству и проч.

Когда окончательно были прочитаны все обвинительныя статьи, патріархъ Константинопольскій по желанію прочихъ членовъ собора резюмировалъ кратко все обвиненія выставленныя противъ Іеронима, попомъ обращаясь къ самому обвиняемому сказалъ: «Соборъ такъ снисходителенъ къ тебѣ, что не смотря на неоднократное обличеніе въ ереси, назначилъ еще тебѣ новую публичную аудіенцію. По этому, если ты хочешь что нибудь сказать отцамъ собора, можешь говорить, такъ какъ настоящее собраніе и состоялось ради этого. Ты можешь, если угодно, защищать свою правоту, но можешь еще отречься отъ своихъ заблужденій и соборъ, по своей великой снисходительности и милосердію, можетъ еще принять тебя въ лоно св. матери церкви. Известно, что много было еретиковъ, которые по раскаяніи и отреченіи отъ своихъ заблужденій, снова присоединились къ числу вѣрующихъ. Но если ты, не обращая вниманія на снисходительность собора, не захочешь отречься отъ своей ереси, то знай, что съ тобою будетъ поступлено по всей строгости законовъ». Тогда Іеронимъ выразилъ желаніе произнести рѣчь. Предварительно онъ обратился съ молитвою къ Богу и просилъ всехъ присутствующихъ принять участіе въ этой молитвѣ, дабы просвѣтилось его чувство и разумокъ и онъ не могъ сказать чего нибудь такого, что послужило бы во вредъ его душевному спасенію. Во вступленіи къ своей рѣчи Іеронимъ указалъ своимъ слушателямъ на тѣхъ личностей, которые невинно пострадали за правду. Онъ

привелъ въ примѣръ знаменитѣйшихъ философовъ Сократа, Сенеку, первомученика св. Стефана и другихъ личностей, которые невинно подверглись несправедливымъ обвиненіямъ, страданіямъ и смерти. То, что съ нимъ было, происходило не въ первый и не въ послѣдній разъ на землѣ. Впрочемъ, его осуждалъ никто другой, какъ его соотечественники и нѣмцы. Первая причина этого — происхожденіе чеховъ отъ грековъ (?), которые ненавидѣли нѣмцевъ. Къ этому присоединилось и то, что въ Пражскомъ университетѣ сначала нѣмцы получили слишкомъ большія преимущества: имѣли три голоса и пользовались всѣми бенефіціями, между тѣмъ какъ чехи, даже при всѣхъ своихъ ученыхъ степеняхъ должны были дѣлаться домашними или школьными учителями для добыванія себѣ насущнаго куска хлѣба. Такимъ же образомъ и въ пражскомъ магистратѣ засѣдало шестнадцать нѣмцевъ и только два чеха. Наконецъ, нѣмцы занимали почти всѣ государственныя должности. «Я и мой другъ Гусъ, говорилъ Іеронимъ, должны были жаловаться на это королю. Я также побудилъ Гуса въ своихъ чешскихъ проповѣдяхъ заявить народу, что такой порядокъ въ государствѣ не можетъ долго продолжаться. Гусъ былъ праведный и благочестивый человѣкъ, который никогда не уклонялся отъ истины. Онъ и его другъ, съ помощію другихъ личностей, достигли того, что въ магистратѣ вмѣсто шестнадцати нѣмцевъ теперь стали засѣдать шестнадцать чеховъ и вмѣсто двухъ чеховъ — два нѣмца; такимъ же образомъ уничтожено преобладаніе нѣмцевъ въ университетѣ. Вслѣдствіе этого, недовольные нѣмцы оставили Прагу».. Далѣе Іеронимъ указалъ на обличительныя проповѣди Гуса, направленныя противъ роскоши, тщеславія и нетрезвой жизни западнаго духовенства, какъ на причину неудовольствій. Раздраженное этими проповѣдями пражское духовенство подало чрезъ Михаила de causis жалобу въ Римъ и побудило папу вызвать Гуса и его друга въ римскую курію. Іеронимъ совѣтовалъ Гусу отправиться въ Констансъ и самъ намѣревался также идти

туда, но по совѣту знатныхъ соотечественниковъ, чтобы напрасно не подвергаться заточенію, скоро удалился изъ Констанса и изъ сосѣдняго города писалъ Сигизмунду, чтобы на Констанскомъ соборѣ дозволили ему свободно защитить себя. Онъ просилъ также отцовъ собора назначить ему публичную аудіенцію и дать охранную грамоту, но когда не получилъ желаемого отвѣта, то снова возвратился въ Чехію. Во владѣніяхъ герцога Баварскаго онъ былъ схваченъ и представленъ въ Констансъ, гдѣ его заточили въ темницу и подъ угрозой казни потребовали отречься отъ ереси. Опасаясь сначала огненной казни, я, говорилъ Іеронимъ, отрекся отъ своихъ мнѣній и объ этомъ объявилъ въ Чехіи своимъ письмомъ, согласился также на осужденіе ученія Гуса. Теперь я съ душевнымъ прискорбіемъ долженъ сознаться, что поступилъ противъ совѣсти. Исполняя открыто предъ всѣми отцами собора, что Гусъ былъ праведный и благочестивый человекъ, и я готовъ слѣдовать его примѣру. Іеронимъ отрекался отъ своихъ прежнихъ словъ, сказанныхъ по принужденію на соборѣ и отъ своего письма, посланнаго въ Прагу. Въ заключеніе онъ начертилъ мрачную картину жалкаго положенія латинской церкви. Онъ указалъ на злоупотребленія и безправственность папы, тщеславіе и роскошь кардиналовъ, нетрезвую жизнь низшаго духовенства, какъ на главную причину протестовъ Виклефа и Гуса.—Ему объявлено, что рѣшеніе послѣдуетъ на будущей публичной аудіенціи.

Въ продолженіи двухъ дней, какъ свидѣтельствуесть Почцій въ своемъ письмѣ къ другу Леонардо Арццо, большинство членовъ собора и въ числѣ ихъ кардиналъ Флорентійскій Забарелла побуждали Іеронима къ отреченію, но безуспѣшно. Іеронимъ не обращалъ вниманія ни на увѣщанія, ни на угрозы и мужественно рѣшился подобно другу своему пострадать за вѣру и убѣжденія. 30-го мая 1416 г. Іеронимъ получилъ послѣднюю публичную аудіенцію. На этой аудіенціи епископъ Моди произнесъ рѣчь, въ которой главнымъ образомъ упрекалъ Іеронима за невѣріе и

жестокосердіе. Рѣчь эта замѣчательна по своему крайне рѣзкому обличительному характеру. Всѣ поступки Іеронима выставлены въ ней въ самомъ низкомъ видѣ. Іеронимъ, какъ и Гусъ, представляются самыми опасными еретиками и революціонерами, потрясающими основы церкви и государства. «Обратите вниманіе вы, вѣрные сыны католической церкви, (говорилъ Люди), какая безразсудная смѣлость у этихъ мужей (т. е. Гуса и Іеронима). Люди низкіе, происходящіе изъ простой черни, и незнатные родомъ, осмѣлились взволновать все Чешское королевство, возбудить бароповъ и князей къ распрямъ и раздорамъ, вооружить воиновъ, измѣнить древнее правленіе, созвать когорты, раздѣлить народы, произвести величайшій раздоръ между гражданами, предводительствовать толпами мятежниковъ, имѣть прислужниковъ, держать при себѣ вооруженныхъ людей, совершать убійства, разрушать храмы и осквернять олтари... О, блаженно было бы королевство, если бы никогда не было этихъ людей! Особенно отвратительно то, что люди духовнаго званія, которые обязаны по своему священному сану день и ночь предстоять предъ Богомъ и молиться за грѣхи народа, все время употребляли на то, что бы производить возмущенія: безстрашно нападали на дворцы королей и князей, возбуждали королевскіе декреты, наводняли государство мятежами. О! можно ли было ожидать, что безразсудныя предпріятія сихъ низкихъ, презрѣнныхъ людей будутъ источникомъ столь великихъ бѣдствій? Сколько убито съ той и другой стороны, сколько духовныхъ лишилось своихъ бенефіцій и изгнано въ ссылку; сколько обезчещено и ограблено, сколько разорено церковей, сколько разрушено монастырей?.. Если ты, Іеронимъ, хотѣлъ преслѣдовать дурныхъ священниковъ, то зачѣмъ воздвигъ гоненія на добрыхъ пастырей?... Я нисколько не преувеличу дѣла, если скажу, что ни Арій, ни Савеллій, ни Несторій во всю свою жизнь не сдѣлали столько зла для католической церкви, сколько ты; поелику ты всю Чехію, Англію, Францію, Германію,

Польшу, Литву и Россію опозорилъ своею ересью. Ты восхваляешь Іоанна Гуса; но спрашиваю: какъ хватило у тебя дерзости и безчинства превозносить мятежника и еретика? Помню, что ты нѣкогда утверждалъ, будто онъ велъ воздержную жизнь: не пилъ вина и не любодѣйствовалъ; но что значитъ не пить вина и упиваться гордости, ненависти, сварливости? Что значитъ не употреблять вина и не страшиться проливать кровь, безжалостно терзать плоть своихъ ближнихъ? Ты сказалъ, что онъ не прелюбодѣй, но быть еретикомъ, не значитъ ли уже любодѣйствовать? Какое любодѣяніе можетъ быть больше поврежденія чистоты католической вѣры ¹⁾?

Когда Лоди окончилъ свою рѣчь, Іеронимъ, сидя на скамьѣ подсудимаго, обратился къ присутствующимъ на соборѣ съ такими словами: «Я не знаю, какой духъ говоритъ устами епископа, онъ все перетолковалъ превратно, чтобы только больше повредить мнѣ. Онъ даже оклеветалъ меня въ томъ, будто я вообще презираю іерархію и отвергаю авторитетъ церкви. Исповѣдую предъ вами св. отцы, что я истинный христіанинъ и рѣчь епископа ложна и безбожна» ²⁾. Какъ 26 мая, такъ и теперь Іеронимъ кратко изобразилъ исторію возникновенія гусситства вообще и въ частности показалъ, какое участіе онъ принималъ въ вѣроисповѣдныхъ чешскихъ событіяхъ. Настоящую рѣчь Іеронимъ заключилъ исповѣданіемъ вѣры, свидѣтельствуя, что онъ вѣруетъ во едину, святую, каѳолическую церковь, исповѣдуетъ символъ вѣры, признаетъ церковные обряды, посты и проч. (за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ и искренно желаетъ, чтобы высоко-

¹⁾ Memini te aliquando dixisse, illum non fovebriosum, vel fornicarium, sed quid prodest vinum non bibere, et ira, odia, superbia et contentione inebriari? Quid est vinum servare et sanguinem effundere non veneri?... Raynaldi, Annal. eccles. XVII p. 485 an. 1416 n. 21.

²⁾ Conciliengeschichte nach den Quellen bearbeitet von Dr. Hefele. 13. VII. s. 277.

мѣрие и роскошь не господствовали въ средѣ духовенства. Онъ опять вспомнилъ о своемъ прежнемъ отреченіи и еще разъ заявилъ, что на такой безчестный поступокъ онъ рѣшился только изъ страха огненной казни. Теодерихъ Ціемскій замѣчаетъ, что Іеронимъ призналъ свое отреченіе величайшимъ грѣхомъ, какой только онъ совершилъ въ теченіе всей своей жизни. Гуса онъ опять называлъ праведнымъ и святымъ человекомъ, примѣру котораго слѣдовать онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ и по смерти, какъ и при жизни. Съ величайшимъ энтузіазмомъ Іеронимъ выразилъ готовность пострадать за вѣру также мужественно и твердо, какъ его другъ.

Такая рѣшительность Іеронима произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. «Всѣ почувствовали къ нему невольное состраданіе, за исключеніемъ его самого; онъ самъ къ себѣ не чувствовалъ, казалось, ни малѣйшей жалости», говоритъ одинъ изъ присутствовавшихъ на этой аудіенціи, нѣкто Дитрихъ Фрей. Знаменитый флорентинецъ Іюліо Бракиавели особенно тронуть былъ и изумленъ словами Іеронима ¹⁾. Онъ удивлялся учености, обширному запасу свѣдѣній, краспорѣчію, остроумію, выразившемуся въ словахъ Іеронима и удивительной памяти, какую онъ обнаружилъ; не смотря на 360 дневное заточеніе въ мрачной тюрьмѣ, гдѣ нельзя было ничего видѣть, читать и гдѣ вѣчно онъ терзался страхомъ, онъ говорилъ необыкновенно убѣдительно, приводя мѣста изъ священнаго Писанія и твореній отцевъ церкви; такъ что можно было подумать, что онъ все это время проводилъ въ постоянныхъ размышленіяхъ и занятіяхъ. Впечатлѣніе, возбужденное защитительною рѣчью Іеронима, не ограничивалось только отдѣльными личностями, каковы напримѣръ Поччіо, Фрей; оно было, можно сказать, всеобщее и были минуты, когда соборъ, казалось, думалъ перемѣнить судъ на милость, но это были только

¹⁾ Hölfer, Hus und Hieronimus. s. 211.

минуты. Прекращалъ свою рѣчь Іеронимъ, и судьи по немногу освобождались отъ увлеченія и съ величайшимъ хладнокровіемъ оцѣнивали поступки Іеронима съ своей точки зрѣнія. Патріархъ Константинопольскій, по согласію депутатовъ разныхъ націй и кардиналовъ, постановилъ окончательный приговоръ, который былъ выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: «изъ актовъ и процесса видно, что Іеронимъ сначала признавалъ и защищалъ еретическія, осужденныя св. отцами, положенія Гуса и Виглефа. Потомъ онъ отрекся отъ своихъ заблужденій, согласился на осужденіе еретиковъ Гуса и Виглефа вмѣстѣ съ ихъ ученіемъ и присоединился къ католической церкви. Но спустя нѣсколько дней, онъ снова обратился къ ереси и требовалъ назначить публичную аудіенцію, чтобы публично «выблевать тлетворный и заразительный ядъ, который находился въ его внутренностяхъ». На публичной аудіенціи онъ объявилъ, что несправедливо согласился на осужденіе еретиковъ Виглефа и Гуса. Онъ отрекся разъ навсегда отъ своихъ прежнихъ словъ, утверждая, что въ сочиненіяхъ Виглефа и Гуса онъ не находилъ никакой ереси, хотя эти сочиненія читалъ и прилежно изучалъ. По отношенію къ таинству Евхаристіи и пресуществленію Іеронимъ твердо рѣшился вѣрить тому, чему вѣруеть св. церковь. Изъ всего этого ясно, что Іеронимъ раздѣляетъ заблужденія Виглефа и Гуса, былъ и есть ихъ приверженецъ и доброжелатель. Вслѣдствіе этого соборъ постановилъ онаго Іеронима, какъ гнилую и сухую вѣтвь на виноградномъ деревѣ исторгнуть и какъ еретика, упорно преданнаго ереси, постановилъ отлучить отъ церкви и предать анаѹемѣ». За тѣмъ Іеронима предали свѣтской власти: подъ конвоемъ вывели изъ церкви на то мѣсто, гдѣ былъ сожженъ Гусъ. Когда на него надѣли бумажный колпакъ, на которомъ была нарисована фигура дьявола, онъ воскликнулъ: «Христосъ мой Богъ за меня увѣнчался терновымъ вѣнцомъ; почему же мы во славу Господа не возложимъ на себя этого вѣнца»? Преклонивъ колѣна Іеронимъ

долго молился и во время шествія изъ церкви на мѣсто казни пѣлъ символъ вѣры и псалмы. По пришествіи на подобное мѣсто Іеронимъ опять долго молился въ то время какъ полицейскіе служители снимали съ него одежду. Когда его привязали къ столбу, онъ спокойно пѣлъ «Вѣрую», потомъ обращаясь къ народу, Іеронимъ сказалъ: «возлюбленные чада! Кромѣ того, что я пѣлъ, я ничему другому не вѣрю: символъ вѣры—вотъ моя вѣра. Я умираю за то, что не согласился отречься отъ Гуса. Я знаю, что онъ праведный человѣкъ и истинный евангельскій учитель». Когда зажгли костеръ, Іеронимъ произнесъ: «Господи, въ руцѣ твои предаю духъ мой, а потомъ громко воскликнулъ: Христе, сыне Бога живаго, помилуй мя грѣшнаго! Ты вѣдаешь, что я искренно исповѣдалъ истину.... Последнія слова его были заглушены сильнымъ трескомъ вспыхнувшего пламени. Можно было видѣть только, какъ онъ шевелилъ губами, произнося молитвы, въ теченіе четверти часа. Пепелъ и прахъ его, также какъ и Гуса, брошенъ въ Рейнъ. Католики опасались, чтобы гусситы не сдѣлали остатковъ этихъ мучениковъ предметомъ почитанія. Опасеніе это было не напрасно. Когда гусситы узнали о смерти Іеронима, они собрались въ знаменитую Виолеемскую часовню, совершили богослуженіе въ честь обоихъ мучениковъ, пострадавшихъ за вѣру и постановили ежегодно праздновать память Гуса и Іеронима 6-го іюля ¹⁾).

А. Вертеловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Geschichtschreiber d. Hussitischen Bewegung. Bd. 1. s. 338.